

0: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «220 лет назад Великий Сейм принял в варшавском Королевском замке конституцию 3 мая (...) Сегодня (...) недалеко от замка, в Кордегардии перед зданием министерства культуры, выставлена на всеобщее обозрение рукопись конституции 3 мая — наша национальная реликвия. Она выставлена напротив Президентского дворца, так как сегодня на страже действующей конституции стоит президент (...) Конституция 3 мая должна была вывести страну из хаоса и упадка, положив конец анархии, разрушавшей государство изнутри (...) Конституция действовала недолго. Произошла катастрофа — врагам конституции при поддержке внешнего врага удалось задавить это великое начинание (...) Последним ударом стали разделы Польши и долгая ночь порабощения (...) Так будем же помнить, что наша независимость, обретенная 22 года назад, — настоящий подарок судьбы на фоне драматического опыта последних двух столетий. Польша окрепла, у нее стабильная демократическая система, это правовое государство. Будем же ценить это и радоваться этому. Научимся по-настоящему отождествляться с этим наследием, становиться на его защиту и сегодня. Поднимем высоко головы, гордясь не только конституцией 3 мая, но и достижениями нынешней суверенной, демократической Польши» — из выступления президента Республики Польша Бронислава Коморовского по случаю годовщины принятия конституции 3 мая. («Газета wyborcza», 4 мая)

• «Конституция 3 мая (вместе с предварявшими ее законами) вводила в Речи Посполитой строй, напоминавший устройство тогдашней Англии. Она избавляла польский парламентаризм от мучивших его призраков, устанавливая голосование большинством голосов, независимо от инструкций воеводских сеймиков (по налоговым вопросам был введен принцип квалифицированного большинства — три четверти голосов). Согласно конституции, король назначал правительство, ответственное перед парламентом, а правительственные указы должны были подписываться монархом и соответствующим министром. Конституция давала широкие права мещанам (...) упоминала о крестьянах, обещая заботиться о них, а прибывавшим из-за границы предоставляла полную личную свободу (...) К сожалению (...) она урезала политические права безземельной шляхты (...) — значительной части политически активных граждан, которые (...) чувствовали себя патриотами и составляли костяк польской армии и тогда, и много лет спустя (...) Свободные выборы монарха упразднились (...), а трон [после смерти Станислава Августа Понятовского] должен был перейти к династии саксонских Веттинов (...) Конституция объявляла «святую римскую веру» господствующей религией (...) Год и две недели спустя в Польшу вступили русские войска. (...) Карл Маркс сказал: “При всех ее недостатках эта конституция на фоне русско-прусско-австрийского варварства предстает перед нами как единственное проникнутое духом свободы творение, которое когда-либо самостоятельно создавалось Восточной Европой”». (Адам Кожуховский, «Политика», 30 апр.)

• «Сам момент принятия конституции 3 мая — это, в сущности, недоразумение: в пылу дискуссии король уже в четвертый раз хочет взять слово, чтобы ответить одному из противников проекта, и поднимает руку. Часть депутатов воспринимает этот жест как начало присяги конституции — в общем гуле такая ошибка вполне естественна. Впоследствии король Станислав Август написал: «А наши уже приняли это за знак моей присяги. Они бросились толпой к трону, и я, видя, что дело можно сделать, сделал». Никакого постановления Сейма, никакого подсчета голосов, потом в церковь — и «Te Deum laudamus» [«Тебя, Бога, хвалим»]. Ничего удивительного, что противники конституции подчеркивали ее «беззаконность». Даже среди тогдашних граждан, т.е. (максимум) десятой части жителей Речи Посполитой, эту революцию поняло лишь меньшинство. Для остальной шляхты она означала нарушение принципов свободы и в лучшем случае была воспринята равнодушно». (Бартломей Сенкевич, «Тыгодник повсехный», 8 мая)

• Потомки 422 депутатов и сенаторов, принявших в 1791 г. учредительный акт современной Польши, т.е. конституцию 3 мая, рассеяны по всем континентам (...) Общество потомков Великого Сейма подчеркивает, что его цель (...) активное участие в общественной жизни. Главной инициативой общества стал Всепольский школьный конкурс знаний о Речи Посполитой времен Великого Сейма. В этом году его впервые взяло под покровительство министерство образования. И впервые в этом году конкурс не состоялся. Министерство не успело разослать в школы информационные материалы». (Мая Нарбут, «Жечпосполита», 30 апр.)

• «В этом году исполняется 220 лет со дня принятия конституции 3 мая и 90 лет со дня принятия мартовской конституции (...) Обе были очень современны и важны (...) Конституция 1921 г. создавалась еще в период польско-советской войны. Она была достижением самых выдающихся юристов воссозданной Польши —

настолько совершенным, что перерастала всё, что в политической культуре того времени было приемлемо. Наверное, именно поэтому в первые шесть лет ее действия часть политиков, в т.ч. маршал Юзеф Пилсудский, очень старалась упразднить эту конституцию и установленный ею порядок, чтобы легче было ввести авторитарное правление (...) Сама по себе конституция — без политической и правовой культуры — беззащитна перед людьми, их интересами и страстями, перед нежеланием ограничивать и уравнивать органы власти, перед стремлением заполучить исполнительную власть в вечное пользование (...) Значительная часть польской и литовской элиты похоронила конституцию 3 мая еще до того, как она вступила в действие, так как у этих людей были собственные интересы, противоречившие интересам Речи Посполитой», — проф. Анджей Жеплинский, председатель Конституционного суда. («Жечпосполита», 2-3 мая)

- «В Польше принимаются законы, о которых с самого начала на основании юридической экспертизы известно, что они не соответствуют конституции. А потом, когда Конституционный суд опротестовывает их, они все равно нередко остаются в силе. На практике это означает, что конституция для многих польских политиков — просто бумажка. Они считают, что она их власть никак не ограничивает», — Лешек Бальцерович. («Тыгодник повшехный», 8 мая)

- «Папа-поляк беатифицирован (...) Теперь ему будут посвящаться церкви (...) Вчера на улицы Рима вышло около миллиона паломников (...) Судя по флагам, больше всего было поляков и итальянцев. В Рим приехало около 80 тыс. паломников из Польши (...) Президент Бронислав Коморовский прилетел вместе с бывшими президентами Польши (...) День памяти блаженного Иоанна Павла II Церковь будет праздновать 22 октября — тогда начался понтификат польского Папы». («Газета wyborcza», 2-3 мая)

- «Иоаннов Павлов II в Польше около 800. В среднем они стоят на пьедесталах в каждой третьей гмине. И, несомненно, их будет всё больше (...) В 72 случаях памятники Папе отлиты из бронзы (...) Это самый дорогой материал — одно лишь изготовление статуи стоит около 100-120 тыс. злотых (...) Столь же красивый памятник, но из полимерной смолы, можно заказать за 20 тыс. злотых с доставкой (...) В магазине с садовыми фигурами в Шафлярах большой Папа стоит 9 тыс. злотых (...) Иоанн Павел заслуживает мрамора. Эффекты можно увидеть в Тчеве и во Вжесне (...) Песчаник (...) не только пачкается, но еще и немного порастает мохом. (...) Папа из песчаника должен быть покрашен: (...) тело побелено, а лицо должно быть телесного цвета — бежевое или кремовое». (Милена Рашид Джехаба, «Ньюсуик-Польша», 1 мая)

- «Вчера в Варшаве имя беатифицированного Иоанна Павла II красовалось на красных флагах. А вместо Маркса левые радикалы охотно цитировали слова Папы (...) «Мы — за социальную справедливость, о которой говорил Кароль Войтыла (...)», — объяснял Петр Иконович (...) Председатель Всепольского соглашения профсоюзов (ВСП) Петр Гуз заметил: «Думаю, что все, кто сегодня проталкивается к первым скамьям у алтаря, должны помнить, что говорил великий поляк, ныне блаженный» (...) Ярослав Немец, активист из Люблина: «На самом деле это мы, красные, думаем о том, что сказал Папа. А те только оббивают колени. Мы хотим воплотить в жизнь его общечеловеческие идеи»». (Гжегож Шиманяк, «Газета wyborcza», 2-3 мая)

- «Мы, люди из Восточной Европы, долго были похожи на восставшие арабские страны. Мы ждали не столько истребителей и авианосцев, сколько признания нашего права решать свою судьбу. Так и не дождались. Запад равнодушно смотрел, как в 1956 г. истекает кровью Венгрия, равнодушно смотрел в 1968 г. на Чехословакию (...) Теперь мы и сами стали чем-то вроде Запада и без особых эмоций смотрим на арабский мятеж. Ждем, когда он будет обескровлен. Ждем, когда кто-нибудь наконец наведет там порядок. Нам, в сущности, всё равно, кто там придет к власти. Главное, чтобы поскорее пришел и стабилизировал ситуацию — ведь мы не можем каждый раз нервничать, приезжая на заправку (...) Мы смотрим издалека на людей, которые жаждут перемен и отдают за это жизнь, но нам нечего им предложить. Мы их боимся, потому что они другие. И не хотим, чтобы они стали на нас похожи, потому что тогда они придут сюда». (Анджей Стасюк, «Тыгодник повшехный», 17 апр.)

- «Лех Валенса стал во главе польской делегации, приехавшей вчера в Тунис, чтобы поддержать строительство демократии (...) В Тунисе бывший президент Польши встретился с временным президентом Туниса Фуадом Мебазой и с советом, ведущим подготовку к первым свободным выборам 24 июля (...) Членов совета больше всего интересовал польский люстрационный опыт. Валенса советовал не исключать из политической жизни бывших деятелей режима (...) Он призвал к индивидуальному рассмотрению вины каждого (...) Кроме того, он убеждал тунисцев не сворачивать влево: «Нельзя повторять ошибки коммунистов, которые задушили капитализм, отобрали имущество. На капиталистов надо нажимать, но не уничтожать их», — подчеркнул Валенса». (Доминика Пшулковская, «Газета wyborcza», 29 апр.)

- 26-я польская жертва войны в Афганистане. «Ночью в варшавской больнице скончался старший рядовой Павел Станяшек. Полтора года назад он был тяжело ранен в Афганистане. В результате взрыва мины-ловушки у него были ампутированы обе ноги и обездвижена рука». («Газета wyborcza», 22 апр.)

- По данным Главного статистического управления (ГСУ), холодильники имеются в 98,5% польских домашних хозяйств. Стиральными машинами пользуются 89% семей. Пылесосов нет всего в 4,6% домов. Посудомоечными машинами располагают только 12,3% поляков. 61,3% пользуются кухонными комбайнами. Микроволновые печи стоят в 50,1% домов. («Дзенник — Газета правна», 19 апр.)
- «Поляки покупают всё больше (...) Потребление продолжает стимулировать экономический рост. Рост ВВП в первом квартале приблизился к результатам четвертого квартала 2010 года (...) В марте объем розничных продаж был на 9,4% больше, чем в аналогичный период прошлого года (...) Безработица в марте составляла 13,1% (в феврале — 13,2%). (...) В апреле т.н. опережающий индекс потребительского доверия (показывает, как домашние хозяйства оценивают свое будущее в ближайшие несколько месяцев) вырос по сравнению с мартом на 4,3% — до 29,8%. Заметнее всего улучшились оценки уровня безработицы, экономической ситуации в стране и финансового положения польских домашних хозяйств». (Дзенник — Газета правна», 28 апр.)
- «К концу апреля безработными были 2,04 млн. поляков, т.е. 12,6%. Это на 0,5% меньше, чем в марте, на 0,6% меньше, чем в феврале и на 0,4% меньше, чем в январе, сообщило министерство труда и социальной политики (...) Падение числа безработных в начале второго квартала типично, так же как и ежегодный рост безработицы в конце года, после окончания сезонных работ». («Дзенник — Газета правна», 9 мая)
- «Что можно купить за 50 злотых? В мире появилась новая единица измерения — потребительская корзинка Ярослава Качинского. Покупки Ярослава Качинского в варшавском универсаме, когда за картошку, сахар, муку, хлеб и курицу он заплатил более 50 злотых, вдохновили пользователей интернета. Они сравнивают, что за такую же цену можно купить в разных частях Польши и даже всего мира. Фотографии «покупок за 50 злотых» заполнили портал Pokazywarka.pl». («Дзенник — Газета правна», 20 апр.)
- «В марте средняя зарплата в фирмах выросла на 4%. Это меньше, чем инфляция, которая достигла 4,3%. Не оправдал ожиданий и рост занятости — она выросла на 4,1% против ожидавшихся 4,3%». («Жечпосполита», 19 апр.)
- «В 2010 г. дефицит государственных финансов составил 7,9% ВВП. Польша — одна из пяти стран ЕС, в которых состояние финансов ухудшилось по сравнению с 2009 годом. Уровень задолженности оказался ниже, чем ожидалось. По европейскому методу подсчета он составил 55% ВВП». («Жечпосполита», 27 апр.)
- «Министр финансов Яцек Ростовский планирует ограничить дефицит местных самоуправлений до 4, затем 3,2 и, наконец, до 1% планируемых доходов (...) В результате крупные инвестиции самоуправлений будут приостановлены (...) 94% государственного долга генерирует правительство; местные самоуправления, распоряжающиеся третьей частью государственных денег, несут ответственность лишь за 6% общей задолженности. При этом органы самоуправления всё время инвестируют, а правительство на инвестиции тратит лишь 5% своего бюджета. Самоуправления — в среднем 23% своих доходов. Так что курс, избранный Ростовским, направлен против самоуправлений и тормозит развитие (...) Такие действия приведут к тому, что у министра финансов будут большие проблемы с доходами государства (...) Министр Ростовский, сам того не желая, сделал то, чего не удалось пока ни одному политику: объединил самоуправленцев разных взглядов и политических ориентаций», — Рафал Дуткевич, вот уже 9 лет президент (мэр) Вроцлава, трижды победил на выборах в органы местного самоуправления. («Ньюсуик-Польша», 15 мая)..
- «В области торгового обмена польское сельское хозяйство впервые перешло из дефицитного сектора экономики в профицитный (...) В прошлом году профицит составил 10,3 млрд. злотых (...) За 7 лет общей [европейской] сельскохозяйственной политики в село поступило более 200 тыс. машин и разнообразных технических средств (...) У нас очень современное скотоводство, а также производство молока и молочных продуктов. Скот разводится в хороших условиях, в отличных хозяйствах (...) Прекрасно развито и птицеводство. За последние 8 лет мы удвоили производство птицы», — говорит министр сельского хозяйства Марек Савицкий. («Газета wyborcza», 2-3 мая)
- «Большинство польских птицеводов, разводящих кур-несушек, применяет клеточное разведение — расставляет клетки в несколько этажей, а на каждую из четырех сидящих в клетке кур отводит пространство величиной с лист бумаги формата А4. В одном курятнике держат до трех тысяч кур. У кур нет возможности проявлять свои основные рефлексы вроде копания и укладывания перьев. Они не могут пребывать в стае, хотя это для них важно — ведь это общественные птицы. Лишенные дневного света и свежего воздуха, они ранят лапы, стоя на металлической сетке, стирают перья о стенки клеток. Отходы падают на соседок снизу. Из-за стресса они заклёвывают друг друга. Поэтому им подрезают — без обезболивания — клювы, органы очень чувствительные, где особенно много нервных окончаний. Когда падает яйценоскость (...) их лишают света и еды на восемь дней, а воды — на два дня. После этого голодовку повторяют через каждые три дня. Тогда они теряют остатки перьев.

После возвращения регулярной кормежки они регенерируются и начинают нести яйца (...) Евросоюз решил, что с 2012 г. клетки должны быть больше и с насестами (...) По данным польского министерства сельского хозяйства, на 591 птицевода, применяющего клеточное разведение, это требование выполнили лишь 99». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 20 апр.)

• «Я знаю, что Польша — христианская страна и что именно христианство глухо к страданиям животных, т.е. существ, в биологическом смысле самых нам близких (...) Животные страдают так же, как и мы, в силу неумолимых законов природы, и этого мы изменить не можем. Но они страдают — жестоко, невообразимо — и от наших человеческих рук (...) Я знаю многих священников, епископов, с некоторыми дружу. И я спрашиваю: откуда у этих почтенных и добрых людей такое абсолютное равнодушие к мукам животных? (...) Уважаемые мои знакомые, особенно епископы. Знаете ли вы, что ваше молчание — для многих соблазн, искушение и что эти люди (очень достойные) из-за вашего молчания уходят из Христовой Церкви?» — Ежи Новосельский, художник и мыслитель (1923-2011). («Пшеглэнд православный», апрель)

• «Только 23% дел об издевательствах над животными заканчиваются обвинительными актами. Наказания бывают мягкими (...) По данным генеральной прокуратуры, в 2009-2010 гг. было заведено почти 5 тыс. дел об издевательствах над животными. Но лишь в 1,1 тыс. случаях следователи предъявили подозреваемым обвинение (...) 2,1 тыс. дел было прекращено, а почти в 1,5 тыс. случаев (каждое третье дело) после предварительного расследования следователи отказались возбудить дело. Прокуроры часто прекращают дела, ссылаясь на “низкую общественную опасность действия”». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 18 апр.)

• «Павел Сулик: «А что вы думаете о стране, в которой трое мальчишек убивают собаку, суд приговаривает их к наказанию, после чего тысячи граждан протестуют в интернете, требуя более сурового приговора?» (...) Жан Ролен, писатель и журналист: «Это значит, что отношение к животным в Польше переходит из фазы традиционного отношения к ним как к вещи в фазу дискуссии об их правах. Если появился протест, значит, мы осознали, что несем ответственность за животных»». («Тыгодник повсехный», 1 мая)

• «В прошлом году в канцелярию премьер-министра граждане подали 16 841 заявление, петицию и прошение. По данным за последние 13 лет, из всех премьер-министров наши соотечественники чаще всего пишут именно Туску. Больше всего жалоб и недовольства связано с действиями министров юстиции и инфраструктуры. Увеличивается число жалоб на министра сельского хозяйства (...) В 2010 г. канцелярия премьер-министра ответила на 4,5 тыс. писем. Более 2 тыс. дел она передала на рассмотрение соответствующим инстанциям. 5,5% из них было решено в пользу просителей (...) 3880 писем к премьеру, присланных в 2010 г., — это комментарии или анализ актуальных событий». («Жечпосполита», 22 апр.)

• «Всё более частым явлением стали аресты талантливых предпринимателей (...) Использование спецслужб для устранения конкурентов стало нормой (...) Пишется анонимный донос в налоговое управление (...) Начинаются мытарства. Для начала поднимается шумиха. Потом банки расторгают часть договоров. Потом предпринимателя арестовывают, чтобы он не мог спасти фирму. Если доказательств вины нет, прибегают к аресту ради получения показаний, в Польше запрещенному, но постоянно применяемому. Цель: ты должен признать себя виновным и назвать других (...) Хуже предпринимателям из провинции. У них нет денег на адвокатов, а даже если есть, местные адвокаты не хотят ссориться с чиновниками (...) Ни у одного из чиновников, предъявивших необоснованные обвинения, волос с головы не упал. Все они продвинулись по служебной лестнице (...) Начальник чиновника не заинтересован в выявлении его вины — ведь таким образом он признался бы в собственном недосмотре (...) А прокуроров защищает положение о признании их ошибок недействительными за давностью по истечении года (...) Европейский суд справедливости несколько раз налагал на Польшу штрафы за содержание предпринимателей под стражей без процессов. В случае оправдания они требуют многомиллионных компенсаций и обычно получают их (...) Если предприниматель может себе это позволить, он платит безосновательно навязанные дополнительные налоги и ждет приговора, который будет вынесен после многолетних процессов. Каждый год промедления с решением — это всё более высокие проценты. Есть предприниматели, которые за проценты от несправедливо взимаемых у них государством налогов купили себе самолеты». (Эльжбета Исакевич, «Тыгодник повсехный», 8 мая)

• «В прошлом году число сотрудников государственной администрации увеличилось на 12,2 тыс. человек. Быстро растёт бюрократия в органах местного самоуправления (...) Рост занятости в администрации на 12,2 тыс. человек может показаться небольшим по сравнению с 2009 г., когда число чиновников увеличилось на 40,5 тыс. человек. Однако он показывает, как разрастается бюрократия. По последним данным ГСУ, в 2010 г. занятость в государственной администрации выросла на 2,8% и достигла 440,5 тыс. человек». («Жечпосполита», 6 мая)

• «Согласно опросу ЦИОМа от 7-13 апреля, впервые за год с лишним противников правительства оказалось больше (34%), чем его сторонников (33%)». («Газета wyborcza», 20 апр.)

- Согласно апрельскому опросу ЦИОМа, президент Бронислав Коморовский пользуется доверием 63% поляков. Следующие места занимают: министр иностранных дел Радослав Сикорский — 50%, председатель Союза демократических левых сил (СДЛС) Гжегож Наперальский — 47%. Самое большое недоверие поляки испытывают к лидеру «Права и справедливости» (ПиС) Ярославу Качинскому — 52%. («Жечпосполита», 27 апр.)
- «Ярослав Качинский не признаёт польского государства, поэтому он не участвовал в государственных мероприятиях по случаю годовщины [смоленской катастрофы]. Он организовал свои, альтернативные мероприятия. Депутаты от ПиС сознательно игнорировали распоряжения органов самоуправления по поддержанию общественного порядка (...) Не обошлось без оскорблений полицейских», — проф. Ян Видацкий. («Пшеглэнд», 8 мая)
- «Не следует обвинять Качинского в фашизме. Ему достаточно обычного национализма — эмоций, которые этот политик умело разжигает и поддерживает в поляках при помощи большой группы церковных иерархов и простых священников. Всё это происходит в Европе, переживающей экономический кризис и возвращение призраков национализма, т.е. в Европе уже сейчас несколько пугающей. Поэтому нельзя позволить Качинскому уйти от вопроса, заданного ему Стефаном Братковским: неужели такой эрудит, как председатель ПиС, не знал, что лозунг: «Польша, проснись!», который он недавно выдвинул, поразительно похож на обращенный много лет назад к немцам? Плохо, если не знал, еще хуже, если знал». (Войцех Мазовецкий, «Политика», 4-10 мая)
- «До сих пор неясно, почему несколько десятков лет назад стольких интеллектуалов привлек коммунизм сталинского образца. Но намного труднее будет ответить на вопрос, почему в современной Польше столько людей дало себя окрутить «писовской» пропаганде. Коммунизм был хотя бы связным проектом перестройки общества, утопической социальной концепцией», — проф. Иренеуш Кшеминский. («Жечпосполита», 11 мая)
- «С конституционной точки зрения как предложение судить премьер-министра Дональда Туска государственным трибуналом, так и идея объявить ПиС вне закона, имеют одинаковый смысл — то есть никакого. Оба требования очевидным образом противоречат не только конституции, но и основным принципам демократии. К ним следует относиться как к пустым политическим угрозам пропагандистского характера. Но это не означает, что они маловажны и невинны (...) Предпринимаются попытки задействовать в целях текущей политической борьбы конституционные механизмы, предназначенные для случаев крайних и нетипичных. Это указывает на эрозию конституции и пренебрежение принципами демократической системы (...) Оба эти требования — объявить ПиС вне закона и поставить Дональда Туска перед государственным трибуналом (...) — разжигают истерику и чрезмерные страсти. Это соблазн победить нелюбимую партию неполитическими методами», — проф. Войцех Садурский. («Жечпосполита», 5 мая)
- «Налицо непреодолимый политический разлом между крупнейшей правящей и крупнейшей оппозиционной партиями. Одна из сторон этого конфликта считает себя цивилизованной, в отличие от второй, которая — по мнению первой — цивилизованной не является. Та, в свою очередь, считает себя патриотической, отказывая в этом сопернице. Естественно, ни одна из сторон не признает диагноза противоположной (...) Можно услышать, что цивилизационное преимущество — это лишь слепое копирование чужих моделей и невнимание к собственной традиции. И наоборот: обвинение в отсутствии патриотизма считается злоупотреблением и манипуляцией шовинистов (...) Поляки стараются избегать публичных разговоров о политике, если у них нет уверенности, каких взглядов придерживается собеседник (...) Несколько преувеличивая — и в то же время предостерегая, — можно сказать, что наша ситуация близка к Руанде, разделенной на благородных/лживых (тутси) и угнетаемых/фанатичных (хуту). Так же, как в том обществе, на первый взгляд не видно, кто принадлежит к какой группе, но все, в сущности, знают, с кем имеют дело». (Ярослав Флис, «Тыгодник повшехный», 1 мая)
- «Мы имеем дело с двумя племенами, и это тем более удивительно, что оба они вырастают из одних и тех же корней «Солидарности». Эти племена не только воюют друг с другом, но и пользуются агрессивным, нередко гнусным языком, отказывая друг другу в праве на участие в политической жизни. Случилась ужасная вещь: после 20 лет демократии глава оппозиции не признаёт законно избранного президента и не готов к диалогу с законно избранным правительством», — бывший президент Польши Александр Квасневский. («Газета wyborcza», 4 мая)
- «Польская специфика — повсеместное использование вульгаризмов. Причиной может быть система образования, не способствующая созданию плюралистического общества. Иерархичная и абсолютистская, она мешает молодежи раскрыть свой творческий потенциал, к которому относится свысока. Достаточно открыть газеты: есть «мы» и «они». Неважно, какой политический лагерь мы будем рассматривать, — везде черно-белые аргументы. Пытаясь защититься от того, что называется властью, люди упрощают свое мировоззрение, потому

что не научились воспринимать мир во всей его сложности. То, что люди сквернословят, — лишь маргинальное проявление более глубоких и масштабных процессов», — проф. Михаил Флейшер. («Впрост», 15 мая)

- «ПиС обладает огромными возможностями мобилизации электората, а ГП — лишь страхом перед ПиС и призывами к здравому смыслу. Кроме того, на стороне «Платформы» человеческое желание, чтобы всё было спокойно. По-моему, этого для правящей партии маловато. ГП — партия без фантазии, без долгосрочного, способного кого-либо увлечь плана. Это партия меньшего зла», — проф. Ежи Шацкий. («Газета wyborcza», 13 апр.)
- «В четверг Свидницкий окружной суд объявил недействительным второй тур выборов президента Валбжиха, а также аннулировал депутатский мандат Петра Кручковского из ГП в связи с покупкой голосов. Это решение стало следствием протеста избирателей (...) Во время судебного разбирательства Роберт С. и Мартин Б. (обоих обвиняют в коррупционных действиях во время избирательной кампании) признались, что покупали голоса за кандидатов ГП в городской и поветовый советы, а также за Кручковского (...) В ходе двух туров они купили несколько сот голосов. За каждый платили в среднем по 20 злотых, иногда давали выпивку и еду. Согласно показаниям Роберта С., голоса покупали еще несколько человек. Во втором туре выборов президента города группа Роберта С. могла купить до тысячи голосов». («Газета wyborcza», 30 апр. — 1 мая)
- «После аферы с покупкой голосов суд постановил повторить второй тур выборов. Однако придется повторить оба, потому что Петр Кручковский отказался от занимаемой должности». («Жечпосполита», 10 мая)
- «Согласно опросу TNS ЦИМО, 70% поляков считают, что ситуация в стране развивается в плохом направлении. 20% придерживаются противоположного мнения, а 10% затрудняются с ответом (...) Из апрельского опроса ЦИОМа следует, что 54% опрошенных положительно оценивают президента Бронислава Коморовского (...) Плохую оценку ему выставляют 28% опрошенных (...) Работу Сейма плохо оценивают 67% анкетированных, хорошо — 19%». («Жечпосполита», 22 апр.)
- Согласно опросу Института изучения общественного мнения ГфК «Полония», проведенному с 28 апреля по 3 мая, ГП поддерживают 45% поляков, ПиС — 33%, СДЛС — 13%, крестьянскую партию ПСЛ — 5%. («Жечпосполита», 10 мая)
- «До вчерашнего дня несколько тысяч кандидатов в парламент по спискам ГП могли присылать в свои партийные ячейки специальные персональные анкеты (...) Кандидаты должны были указать, в частности, этапы своей профессиональной карьеры, знание языков, сведения об имуществе (например, купили ли они что-нибудь в течение пяти последних лет у государства или местного самоуправления), информацию о кредитах и хозяйственной деятельности. Кроме того, нужно было написать, работают ли члены их семей (в т.ч. невесты/ женихи или сожители) в государственной или местной администрации, а также ведут ли они бизнес, «имеющий отношение к государству или органам местного самоуправления»». («Газета wyborcza», 30 апр. — 1 мая)
- «Их называют «сигналистами» (от английского whistleblower) или обличителями. Это люди, которые из добрых побуждений обнаруживают на своих рабочих местах или в своем окружении важные для государства и общества нарушения. Практика показывает, что «сигналисты» становятся потом жертвами дискриминации, моббинга, их не продвигают по службе или увольняют (...) Юридическая защита «сигналистов» в Польше находится в зачаточном состоянии (...) В Польше сообщать о нарушениях невыгодно». (Изабелла Каспшак, «Жечпосполита», 14 апр.)
- «Более 400 нападений и инцидентов на расовой почве, произошедших в Польше в недалеком прошлом, описаны в последней «Коричневой книге 2009-2010» (...) Объектами расовой ненависти становятся не только чернокожие и евреи, но и иноверцы (...) В «Коричневой книге» можно найти много антисемитских цитат из передач радио «Мария» (...) Антирасистское общество «Больше никогда» действует с 1996 г. и сотрудничает с Центром мониторинга расизма в Восточной Европе». («Газета wyborcza», 19 апр.)
- «С интернет-форумов газет «Факт» («Ринглер Аксель Шпрингер — Польша») и «Пульс бизнеса» («Бонье Бизнес — Польша») исчезли антисемитские и оскорбительные посты. Это результат исков против издателей газет, которые подал в апреле министр иностранных дел Радослав Сикорский. «Пульс бизнеса» опубликовал на своем сайте извинения. «Факт» передал свои извинения Польскому агентству печати». («Газета wyborcza», 6 мая)
- «Сенат Варшавского университета единодушно принял решение о присвоении титула доктора honoris causa Шеваху Вейсу, израильскому политологу и дипломату (...) Вейс преподает, в частности, на факультете политических наук Варшавского университета, на кафедре Эразма Роттердамского. Вейс родился в 1935 г. в Бориславе. Немецкую оккупацию пережил благодаря помощи украинцев и поляков. В Израиль уехал в 1947 году.

Профессор политологии, а также бывший председатель Кнессета (...) председатель совета института «Яд-Вашем» и посол Израиля в Польше (...) Постоянный публицист «Жечпосполитой» (...) «Я тронут и благодарен. Выпускниками Варшавского университета были многие выдающиеся создатели Израиля, в т.ч. премьер-министр Менахем Бегин», — сказал Вейс». («Жечпосполита», 7-8 мая)

• «Национальный музей сельского хозяйства и пищевой промышленности в Шреняве близ Познани приглашает летом на мероприятия, посвященные истории, культуре и обычаям живущих в Польше национальных меньшинств с их участием. Уже прошли дни литовцев, татар, белорусов, 26 июня героями дня будут украинцы». («Газета wyborcza», 7-8 мая)

• «6 апреля министр внутренних дел и администрации Ежи Миллер и глава польской православной Церкви митрополит Савва подписали договор о финансировании Высшей православной духовной семинарии из бюджета (...) 11-13 апреля в Сейме прошла международная конференция православных парламентариев (...) Иностранные гости были удивлены выгодными для Церкви «меньшинства» правовыми решениями и масштабами церковного строительства», — депутат Эугениуш Чиквин. («Пшеглэнд православный», май)

• «В Перемышле украинцам вернули «Народный дом» (...) За кирпичный дом на ул. Костюшко Союз украинцев Польши заплатил 30 тыс. злотых, так как городской совет Перемышля согласился продать его с 99 процентной скидкой». («Пшеглэнд православный», май)

• «Председатель главного совета не признанного Минском Союза поляков Белоруссии Анджей Почобут вот уже месяц пребывает в следственном изоляторе. Он обвиняется в оскорблении президента Белоруссии Александра Лукашенко в статьях, написанных для “Газеты wyborczej”». («Жечпосполита», 7-8 мая)

• «Минуло 20 лет с начала вывода из Польши советских войск. Памятник Красной Армии всё еще стоит в Легнице. Почти 80% жителей хотят, чтобы он там остался». («Политика», 16 апр.)

• «Уже больше двадцати лет я борюсь, как могу, с именованием меня профессором. К сожалению, безрезультатно (...) В странах, где университеты действительно автономны (Великобритания, США), на профессорские дипломы, вручаемые королем или президентом, смотрели бы в лучшем случае как на странность и уж наверняка как на покушение на свободу науки, а значит, и университета. Во времена разделов Польши нам была навязана концепция, удобная для абсолютных монархов, а позже для коммунистов, которые, присваивая профессорские звания, контролировали жаждущие их толпы не столько ученых, сколько людей, мечтающих о привилегиях (...) и определенной доле независимости. Но сегодня (...) кому нужен государственный профессорский титул?» — Ежи Стемпень, юрист, бывший председатель Конституционного суда. («Дзенник — Газета правна», 26 апр.)

• «Варшавский суд присудил 15,5 тыс. золотых с процентами Алану Швайковскому, бывшему ученику лицея, который протестовал против несправедливой, по его мнению, системы оценок и после конфликта с учителями вынужден был перейти в другую школу. Судьи пришли к выводу, что достоинство и доброе имя ученика пострадали». («Тыгодник повсехный», 1 мая)

• «Сейм смягчил закон о борьбе с наркоманией. Незначительно. Суд будет решать, наказывать ли тех, у кого найдено небольшое количество наркотиков, по собственному усмотрению. Благодаря этому появится кто-то вроде арбитра, кто не будет бросать за решетку людей, в основном молодых, возможно, попавших в зависимость и нуждающихся в помощи, а не в тюрьме, где как раз свирепствует наркомания. При этом должно высвободиться больше сил для преследования дилеров». (Янина Парадовская, «Польска», 4 апр.)

• «В среду премьер-министр Дональд Туск обещал закрыть стадионы, на которых во время матчей будут возникать опасные ситуации. «Если в будущем инциденты не прекратятся, стадионы будут закрываться на более продолжительные сроки. До тех пор, пока это будет необходимо», — сказал премьер. Вчера он перешел от слов к делу. Коменданты великопольской и столичной полиции обратились к воеводам с просьбой провести ближайшие матчи при пустых трибунах». («Газета wyborcza», 6 мая)

• «С 2006 г. модернизированы, построены или достраиваются 65 стадионов (...) Почти все это — футбольные объекты». («Жечпосполита», 10 мая)

• «Вчера полиция арестовала (...) 26 болельщиков. (...) Им будут предъявлены обвинения в порче имущества, вторжении на стадион и нападении на полицейских (...) Полиция сообщила, что установлены личности 70 человек, которые 3 мая участвовали в беспорядках на стадионе в Быдгоще (...) В идентификации участвовали полицейские из Быдгоща, Познани, Варшавы, Сосновца и Щецина (...) В операции по задержанию участвовали 200 полицейских (...) Восемь подозреваемых написали заявления о чистосердечном признании вины. Им грозят

условные сроки, запрет входа на стадион на 4-6 лет и высокие штрафы». (Петр Житницкий, Петр Махайский, «Газета wyborcza», 11 мая)

- «Ежегодно европейские охотники оставляют в окружающей среде около 40 тыс. тонн олова (...) В Польше на эту тему молчат, хотя, пожалуй, 100 тысяч польских охотников «выбрасывают» в окружающую среду больше олова, чем все автомобили вместе взятые. Но на введение полного запрета на использование оловянных пуль и их замену стальными охотники согласиться не желают». («Газета wyborcza», 13 апр.)

- «В 2006 г. экологи обнаружили, что в Балтийском море гибнет треска. Тогда ее было меньше всего с начала исследований — менее 100 тыс. тонн (...) Евросоюз ввел лимиты, в результате чего польские рыбаки могли вылавливать только 10 тыс. тонн трески в год (...) Рыбаки превысили лимит в два раза и были наказаны. В течение следующих четырех лет им пришлось ловить на несколько тысяч тонн трески меньше. На этот раз они выполнили требования. Запреты ЕС, распространяющиеся на все балтийские страны, спасли вымирающий вид. Через четыре года рыбы стало больше (...) В 2010 г. ее было в три раза больше, чем в 2006 м (...) В 2010 г. Польша разрешила выловить 15,5 тыс. тонн трески (...) Если рыбаки будут придерживаться ежегодно устанавливаемых лимитов, то в 2012 г. в Балтийском море будет жить до 500 тыс. тонн трески. Тогда лимиты, вероятно, будут увеличены». (Магдалена Френдер-Маевская, «Ньюсуик-Польша», 3 апр.)

- «Гидротехнические установки на Висле и Одере — дамбы и турбины гидроэлектростанций (...) — приводят к гибели до 60% угрей бассейна Вислы и 44% — бассейна Одера. На небольших гидроэлектростанциях угри гибнут практически в ста процентах (...) 7 января с.г. Еврокомиссия запретила импорт и экспорт европейского угря в страны, не входящие в ЕС. Польское министерство окружающей среды (...) сообщило, что «по оценкам специалистов, популяция европейского угря по сравнению с 80 ми годами снизилась более чем на 95%»». («Газета wyborcza», 21 апр.)

- «Тысячи птиц оказываются замурованными живьем во время утепления домов. Помогите нам их спасти — вызывают орнитологи, разыскивая волонтеров. Обычно это выглядит так. Жилищный кооператив или жилтоварищество решает утеплить дом (...) Рабочие ставят вокруг дома леса и приступают к работе. При этом они не проверяют, живут ли в зазорах между перекрытием последнего этажа и крышей птицы, живьем зарешечивают их, обкладывают пенопластом и замуровывают. Это обычные стрижи, воробьи, галки, скворцы, ласточки (...) Ежедневно то тут, то там рабочие жестоко отрезают от мира птенцов этих птиц. Без еды и питья они умирают в муках (...) Как подсчитал проф. Мацей Луняк из Института зоологии Польской Академии наук, до 80% птиц, живущих в центре Варшавы, селятся именно в домах». (Доминика Ольшевская, «Газета wyborcza», 26 апр.)

- «Кардиостимулятор для собаки. «В последнее время у нас много пациентов, потому что давление резко скачет, а сердечники на это реагируют. Это чаще всего собаки, затем кошки, а в самом конце списка — лошади», — говорит доктор Уршуля Паславская, чья поликлиника, единственная в Польше, ставит животным кардиостимуляторы». («Газета wyborcza», 15 апр.)

- «Мы сознаём, что все живые существа хотят жить — причем жить свободно — не меньше, чем человек», — говорится в Манифесте Движения Дружин охраны природы, опубликованном в Польше благодаря Кшиштофу Войцеховскому, который во время пребывания на Украине в 2010 г. участвовал в Школе молодых дружинников в Национальном парке «Великий Луг»» («Дзика пширода», май)

1: СТИХОТВОРЕНИЯ В НОВЫХ ПЕРЕВОДАХ

ПРИПОМИНАНИЕ

И острова минули мы,

И вёсны миновали,

И девушек, как персик

В пуховых щек овале.

Заискрились, мелькнули

Средь зелени неоны.

А с гор лились ручьями
Гитары перезвоны.
Тут губы в поцелуе
Над счетчиком мгновений
Проехали асфальтом
Под памятников тени.
Аэропортов полночь
Сияла с самолета.
О Греции, о Греции
Здесь разве помнит кто-то?
Наш мир, что, несомненно,
К благу изменился.
Блистающей машине
Подчинена земля.
Несчастье навещает
Несчастнейшие страны,
А мы, мы каждый счастливы,
Мы без вины, без раны.
Судьба к ним затеряет
Запутанные тропы,
И отделил нас океан
От той дурной Европы.
И кораблям свысока
Дает сигнал Свобода
О Греции, о Греции
Здесь разве помнит кто-то?
А что война за морем
Горит кровавым солнцем?
Да это лишь встречается
Среди отсталых горцев.
У них одно имущество —
Накидка из овчины,

И жизнь отдать задешево
Жалеть им нет причины.
Ну, варвары, способны лишь
Расправиться кроваво,
Да им ли демократия,
Им ли закон и право?
Дождь выпал, на Олимпе
Клубился ветер дымный,
Очередями краткими
Играли пули гимны.
На скалах эхо пушек
Отмеривало время
Тем, кто не знает, как так
Он без вины задремлет.
Они же, хоть виновны,
Давали, что имели:
Накидку и цепочку
Кораллов с губ в ущельи.
Дождь отмывает пятна,
Ложатся в землю-камень,
Кто ж не забыл о Греции?
А траурная мать.
Скажи мне, как измерить
Дел наших смысл и норов:
На пристанях богатствами,
Ценой ли договоров?
Иль что ни день гасимым
Светильником надеи,
Что нации на лучшие
И худшие не делит?
Так замолчи, не говори,
Что бьются государства,

Не то тебе из этих гор

Ответит праха горстка.

И потому-то не забыть

Страну того удела,

Что т а м , что начиналось там

Наше общее дело.

Вашингтон, 1947

Из книги «ПОСЛЕДНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»

ПАН СЫРУТЬ

Цирюльник пану Сырутю на смертном ложе

поставил клизму. Турбуленции тела

ваша милость храбро сносила до конца.

А не так-то легко избыть бытие

И уснуть навеки вплоть до воскресения.

Когда последняя косточка рассыплется

в сухую пыль

И деревни с городами исчезнут

Он будет глаза протирать

Не найдя никаких былых названий.

Вернется на землю пан Шимон Сыруть

ковенский судья, литовский мечник,

с титулом витебского кастеляна.

Но не в те переменённые края,

что, пожалуй, было бы несправедливо.

Под ногою ощутит он вдоль Невежа дорогу,

деревушку Гинейты и паром в Вилайнах приветит.

Через тысячу лет будет вызван на Страшный суд

пан Шимон Сыруть

Среди тех, кто жил потом. Родня и знакомцы,

Неживые как и он но под фамилией

Прозоры и Забеллы.

Снова паром на Невеже и Ясвойны, Шетейны,

И белый костел в Опитолоках.

А судили вашу милость за пристрастье

К чинам и учреждениям,

Которые ничего не значат,

Когда города и деревни исчезнут.

[набросок стихотворения, 2003]

ДЕВЯНОСТОЛЕТНИЙ ПОЭТ ПОДПИСЫВАЕТ СВОИ КНИГИ

Ну так я вас пережил, мои враги!

Имена ваши мхом теперь порастают.

А как яростно вы лаяли в пылу травли

Предателя и выродка. Моралите говорит,

Что в конце всегда побеждает справедливость.

Ну, не всегда. Чуть послабже сердце,

Чуть поменьше выдержки, и трубы играют

Над бедным зайчишкой, а то и медведем.

Триумф не дает мне оснований гордиться.

Всего лишь одно из чудесных происшествий,

Вроде тех, что когда-то спасли меня

От Освенцима, как и (есть такие догадки)

От доли зэка где-нибудь на Воркуте.

Никакой своей заслуги я в этом не вижу.

Провидение бережет дураков и поэтов,

Как кто-то сказал. Компенсация вроде,

За то, что мы едва лишь игрушка

Таинственных сил, никому неизвестных,

И вменяемостью обладаем неполной.

Я верно служил польскому языку,

Для меня единственному из всех языков,

Он взывает, велит себя освящать,

А то питекантропы на нем говорят,

Которые мне отвратны, не скрою,

Но не меньше благих и чистых существ,

Чьи молитвы должны бы мир переменить.

Значит, польская речь — это долг,

А бывает — и страсть. Я ее не отдал бы

За шедевры наимудрейших стран.

Вы бывали правы, мои враги,

Указуя дрянные грёзы эгоиста:

Он нос задирал, он всех критиковал,

Нет чтоб с нами жить, он шел прямо к цели,

К этой своей славе, отгородившись гордыней.

Да, действительно, я свое написал.

Это значит всего лишь, что я сознаю,

Как опасно это дело для души.

Изучите хотя бы горстку биографий.

Мой ровесник Анджеевский Ежи

Или мой земляк от невежских берегов,

Пан Витольд Гомбрыс, ангелами не были.

И даже, думая о них, о том, какими были,

Об их одержимостях и жалких приемах

Монструозного эго, о несчастьи,

Я испытываю жалость и — опасенье:

Может, и я таков же, как они,

Может, дубом притворялся, а был гнилушкой.

Что за ничтожество. Но оно прощено.

Ибо они пытались прыгнуть выше себя,

Тщетно меряясь с пророками ростом.

Теперь, в старости, стою перед свидетелями,

Которые живым уже невидимы,

Разговариваю с ними, окликаю по именам,

А моя рука в это время подписывает книги.

В ТУМАНЕ

Если б хоть кто-то из этого что-нибудь уразумел.

Нет, хоть хромой, а с другими так быстро бежал, как умел.

Благодаря ничегошеньки не разуменью
даже действительное нам казалось тенью.
Ох, не хватало, ну, скажем, Фомы Аквината,
чтобы и званым, и избранным врезать как надо!
Были там где-то, конечно, церковные власти
Да заблуждённым во мгле они дали пропасти.
Бедные люди, бежали мы, даже в припляску,
Пусто кругом, в голове пустота под завязку.
Цивилизация наша — как этот разбитый кувшин.
Косо глазают на баб мужики, ну а те на мужчин.
Если детей, то невольно — плодим, как плодится.
И от провинции неотличима столица.
Как же тут выбраться, не подсказал бы, пан Адам?
Я приучён послушанию к старшего взглядам.
Правда, то было, когда танцевали фокстроты
и заводили валюту по имени злотый.
«Большевики, — это пьеса шла, — в польском поместье».
Кто бы подумал, что это и вправду предвестье?
После звучали одни Иеремии плачи.
Хаос, иль общая каша, сказавши иначе.
Ты, мне пан Адам сказал, по велению долга
Всем растолкуй, что такое не тянется долго.
Проволкой можно кувшин обтянуть, что расколот.
Но за былое платить алименты на голод.
Чрева советы не слушай, когда пронесется.
А о поэзии не беспокойся. Пробьется.

УЧИТЕЛЬ МАТЕМАТИКИ

за той линией начинается смрад врожденный
а линия чтобы жить не нуждается в плоти
она извечно чиста и неизменна
мой дом и сад недалеко от леса
заполучил я жену Петронеллу

и двух дочек Софью и Агафью
я не соревнуюсь с учителем биологии
который толкует детям что доказали
законы науки
я подсматриваю семью
так же как хожу наблюдать лисиц
как пищат верещат
сикают и стучают
секут мясо капусту лук
варят в кастрюльках жарят на сковородках
пахнет как лисья нора с останками съеденных кур
бумажный кораблик уплыл
мы шли сквозь какие-то запущенные сады
Ядвига в малиннике разорвала платье
далеко загорались города мирограды
и всё охватил сон

[2002]

ЧЕРЕПАХА

Солнце из тумана выходит как зверь золотистый,
Рыжеволосый, с гривой лохматых лучей.
Она его не видит. Она не смотрит в небо.
Глаза, прикрытые выпуклыми веками,
Смотрят только в землю или в плитки пола,
Как здесь, в Ментоне, в доме Яна и Нели.
Мы — вид, высоко заехавший в развитии,
Со взором межоблачным и небодостижным.
Мы с жалостью наблюдаем
Как неловко она ходит под стульями
И съедает зеленый листик салата.
Что за помысел демиурга? Между двух щитов
Всунуть ящеричью форму, чтобы жизнь защищать
От нападений больших динозавров!

Но говорить с ней невозможно.

Когда она вдруг забегает в усердной спешке,

Напрасно объяснять, что ботинок Яна —

Не подружка, достойная черепашьего пыла.

Мы, как бы смущенные, созерцаем

Движенья копуляции, подобные человеческим,

И жидкую струйку, растекающуюся в лужу,

В то время как зверек замирает.

Единенье живых, но не до единства:

Как согласовать сознание и бессознание?

Янек и Неля не ловили черепаху.

Их унижало родство ее с ними.

Они хотели быть чистым интеллектом.

Вскоре они умерли, и на их стульях никого.

ХИМЕРА: МНОЖЕСТВО

Является во сне она, вылеплена

Из разных веществ, красок и имен.

Немного Кристина и немного Тереза,

С добавкой Софьи, щепоткой Магдалины.

Работает в фирме. В белом халате.

Другие, парикмахерши и маникюрши,

Не любят ее. Только что провыли:

«Ты притворяешься, ты ненастоящая.

Внутри у тебя ничего, nothing, nada».

Может, и так. Моя ли, не моя ли?

Вроде тут, со мной, а других соблазняет.

Приглядела себе проповедника,

Что в кофейне ее при всех обслюнил,

А баба его, с криком, с плачем,

Примчалась ее побить. Между тем

Она рассказывает о медицинском заведении,

Где директор, милый старый мамонт,

Иногда по знакомству делает аборты.

(Кстати, однажды она вышла замуж когда-то за него).

И снова туда собирается, не спрошу — зачем.

Меня терзает страшная жалость, но и гнев.

«Мой ребенок или нет, — кричу, — не позволю!»

Над землей, от бледнеющих на рассвете звезд,

Звук бежит, нарастает. Так говорит тишина.

In Excelsis. Навеки. Благословенна.

ПОЗДНЯЯ СТАРОСТЬ

Окончились утренние пробужденья

со стоящей палкой

которая ведет и указывает дорогу.

Указывается Я, и это

совершенно черная пропасть.

Худшему нету дна.

Пришла пора набожных книжек.

Чтобы я вцепился в какую-то святую

например блаженную Кунигунду

и повис как мешок над бездной.

А она держится за рясу святого Франциска

и так возносимся всей гирляндой.

[август 2003]

ЧТО МНЕ

Что мне, да и еще там кому до того,

Что будут и дальше рассветы и закаты,

снег на горах, и подснежники,

и человечество с кошками и собаками?

Что нам до того,

что в великое землетрясение часть Северной Калифорнии

обвалится в море?

Что рассмотрена будет легальность браков с компьютерами,

Что возникнет кибернетическая планетарная держава,

Что в 3000 году в Риме будут торжественно праздновать

вступление в четвертое тысячелетие христианства?

Что нам до того — если в наших краях умолкает гомон мира

И мы вступаем в Другое, за пространство и время.

Напрасно в обряде Дзядов нас искушают даром еды и питья.

Не откликаемся, ибо нет языка, чтобы понять друг друга с живыми.

И вянут бесполезно цветы, возложенные, когда мы были уже далеко.

[2003]

НЕБО

Отче наш, сущий на небесах!

Выражение «сущий на небесах» означает не место, но величие Божие и его присутствие в сердцах праведных. Небо, Отчий дом, представляет собой истинное отечество, к которому мы стремимся и которому уже принадлежим.

Католический катехизис

Сколько я себя помню, всегда хотел быть на небе

И жил тут, зная, что это лишь на время.

Что когда-то мне будет дано вернуться в свое небесное отечество.

Не то чтобы я не думал: после смерти ничего нет.

Лгали себе святые и пророки, зиждители храмов и мудрецы и поэты.

Нет у нас и никогда не было ни Отца, ни дома.

Вопль поколений, чающих помилования, раздавался в пустыне и пропадал в пустыне, а они шли под землю вместе со своей иллюзией.

Маски трагедии, тиары, литургические одеяния окаменеют в болоте, как кости мамонта.

Так я думал, но сознавал, что со мной говорит голос Небытия.

Против которого бунтовала моя плоть и кровь,

а они меня вели в долгом путешествии среди людей.

Сколько раз я испытывал любовь и гнев, отвращение к людям,

благодарность и преклонение.

Их слабость согревала меня, их сила подпирала меня,

они были со мной в моих снах и бессонных ночах.

Если б не они, я был бы беззащитен, а глядя на них,

слагал гимны

В честь буковых лодок, металлических зеркал,

акведуков, мостов и соборов.

Всего, в чем проявляется наше подобие

Несказанному, нашему Отцу на небесах.

[2003]

КОММЕНТАРИЙ К СТИХОТВОРЕНИЮ «НЕБО»

Автор этого стихотворения как будто считает, что вера в Бога основана на общении людей с людьми и на всём, что мы называем человеческой цивилизацией. Согласно Библии, Господь сотворил человека «по образу» Своему и «по подобию», и не божественная ли черта человека — присущая ему способность творить?

Цивилизация с ее постоянным, поразительным приростом открытий и изобретений представляет собой доказательство неисчерпаемых и воистину божественных черт человека. Но осторожно! В библейской притче о первородном грехе Адам и Ева поддались искушению змея: «Будете, как боги», — и отказались от единства с Богом ради своего самолюбия. Результатом было явление смерти, труда в поте лица, мук рождения и необходимости строить цивилизацию. Таким образом, если цивилизация доказывает божественные, неисчерпаемые творческие способности человека, то стоит заметить, что родилась она из бунта. Какой парадокс! Но, наверное, согласующийся с богословием, ибо бунт мог явиться лишь потому, что человек при сотворении был наделен свободой.

Итак, стихотворение обращается к запутанности христианского богословия и чем-то похоже на головоломку, но, пожалуй, единственная вина автора — в том, что он вторгся на территорию, которая роится вопросами, но содержит мало ответов.

[8 мая 2003]

СЫН ПЕРВОСВЯЩЕННИКА

Да, отец мой был первосвященник,

но напрасно меня теперь убеждают,

что мой долг — отца осудить.

Он был муж праведный и благочестивый,

защитник имени Господня.

Он обязан был беречь имя Господне

от скверны из уст человека.

На страстные чаянья моего народа

отвечали лжепророки, лжеспасители.

Неизвестный плотник из Назарета не первый,

кто выдавал себя за Мессию.

Мой отец был впутан в трагическое дело

откуда не было выхода.

В народных представлениях пришествие Мессии

стало равнозначно концу римской оккупации.

Мог ли синедрион допустить восстание,

что окончилось бы разрушением святого города?

Если б даже мой отец хотел спасти

Назарянина, тот нанес ему страшную рану.

Ранил его благочестие, самой сутью которой

была уверенность в бесконечном расстоянии,

отделяющем нас, смертных, от Творца.

Неужто вы, ученики Иисусовы, не понимаете,

что значит для ушей благочестивых ваше утверждение,

будто этот человек был Богом?

[апрель 2003]

2: МОЛОДАЯ ПОЛЬША

Более двух миллионов молодых людей в нынешнем году впервые воспользуются правом голосования на выборах в Сейм. Это первое поколение Третьей Речи Посполитой, живущее со дня своего рождения в новой Польше. С политической точки зрения — лакомый кусок, который невероятно сложно проглотить.

Два месяца назад бывший депутат от партии «Право и справедливость» (ПиС) Барбара Бобуля, ссылаясь на результаты опросов, проводимых Центром исследования общественного мнения среди самых молодых избирателей (18-24 года), объявила, что избирательные приоритеты молодых поляков изменились. По ее мнению, молодежь теперь совершенно определенно выражает свои симпатии не «Гражданской платформе» (ГП), а ПиС. Доказательством этому могли служить результаты февральского опроса, показавшие, что в этой возрастной группе только 29% респондентов хочет голосовать за партию Туска, а за партию Качинского — целых 34%. Бобуля видит в этой разнице в несколько процентов некий сигнал к долгосрочным переменам, которые сулят успех ее партии.

О победе тут же объявили на партийных интернет-порталах, а вслед за этим результаты опросов были рассмотрены аналитиками. Они установили, что данные недостоверны; а более тщательно проведенные опросы все же показали, что на протяжении трех последних лет уровень поддержки ГП (по данным ЦИОМа) в возрастной группе 18-24 года снизился с 63% в феврале 2008 г. до 41% в январе 2011 г. В этот же период декларируемая поддержка партии ПиС возросла на 10% (то есть было всего лишь 11%, а стало 21%). Однако даже сотрудники ЦИОМа утверждают, что опросы по-прежнему основываются на недостаточно репрезентативной выборке, чтобы можно было считать их представительными; кроме того ежемесячные колебания чересчур велики, чтобы делать на их основе далеко идущие выводы. Однако вырисовывается определенная тенденция: на протяжении вот уже десяти с лишним месяцев самые молодые избиратели постепенно отдаляются от «Платформы», во всяком случае не приближаются к ней.

Эту тенденцию уже отметили в штабах Ярослава Качинского и Гжегожа Наперальского, и там было принято решение этот потенциальный молодежный электорат ГП переманить на свою сторону. Тем более что на протяжении многих лет у них в этой группе было меньше всего сторонников.

Демобилизованный электорат

Борьба идет за три с лишним миллиона избирателей в возрасте 18-24 года, в числе которых два миллиона «дебютантов» в возрасте 18-22 года, то есть чуть больше 10% от числа тех, кто имеет право участвовать в выборах. Теоретически эти голоса могут предопределить результаты октябрьских выборов. — «Парадокс заключается в том, — поясняет сотрудник штаба ГП, — что в этой группе всегда много таких, кто еще не принял решения и кого можно было бы привлечь на нашу сторону. Но в то же время и нельзя, ибо они заявляют, что вообще не интересуются политикой. И вот уже на протяжении многих лет их никак невозможно склонить к участию в выборах»

Для сотрудников партийных штабов эта молодежь — весьма крепкий орешек. Результаты исследований («Молодежь-2008», которые проводил ЦИОМ в 65 школах среди 1400 юношей и девушек 18-19 лет) показывают, что 27% из них не интересуются политикой вообще, а две трети не в состоянии даже ответить на вопрос, каких взглядов они придерживаются — левых или правых. Таково же количество тех, кто не знает или не может назвать политическую партию, которая им близка. Обычно на выборы ходит не больше четверти из них.

«Это самая демобилизованная группа во всем электорате», — говорит проф. Радослав Марковский, директор Центра демократических исследований Высшей школы общественной психологии. Почему они не ходят на выборы? Потому что чувствуют себя выброшенными за рамки политики. Они говорят, что ни одна из партий не обращается к ним за поддержкой и не пытается представлять их мнения. Так они отвечают, когда их спрашивают о причинах их неучастия в выборах.

С партийной точки зрения обращаться к ним за поддержкой во время избирательной кампании — только терять время и деньги. Проф. Марковский говорит, что вопрос о том, кто управляет Польшей, решают избиратели в возрасте 30-65 лет.

«В свои программы партии обычно включают какой-нибудь пункт, имеющий отношение к молодежи, — говорит сотрудник предвыборного штаба ГП, — однако более действенное значение имеет факт привлечения для работы в почетном комитете фигуры, находящейся в фокусе их внимания — «селебрити», с которым они себя отождествляют. Такие люди как Воевудский, Казик или Дода могут привлечь куда больше голосов, чем самая лучшая предвыборная программа». (Наверное именно поэтому премьер-министр Туск решил выступить в телепрограмме Мартина Меллера «Ланч с мастерами», пытаясь восстановить симпатии протестующих против него «селебрити»).

Когда в 2007 г. избиратели отодвинули ПиС от власти, было объявлено, что это произошло благодаря небывалому участию в выборах молодежи, которая массово поддержала «Платформу». Чудо заключалось в том, что тогда проголосовало в два раза больше молодежи, чем прежде. Но у этого успеха обнаружилась новая грань, когда было объявлено, что явка в группе самых молодых избирателей, в возрасте 18-24 года, оказалась в то время примерно такой же, как в среднем по стране.

— Произошла небывалая мобилизация электората, ибо свою роль сыграл элемент страха перед тем, к чему могла привести победа ПиС на выборах, — говорит Марковский. Однако со временем страх перед ПиС перестал действовать и вряд ли его можно вернуть, особенно если мы говорим о группе молодежи, которая четыре года назад едва достигла 14-18 лет. Социолог Барбара Фатыга, руководитель Центра исследования молодежных проблем Варшавского университета, не видит в подобной позиции ничего удивительного.

— Молодые люди поначалу отворачиваются от тех, кто не реализует их ожиданий, а когда ситуация становится невыносимой, вмешиваются так, как в 2007 году. После чего возвращаются к своим более насущным делам, — поясняет она.

Масштабный отток

Что случилось с молодежным электоратом ГП?

— Как мне кажется, часть избирателей перестала признаваться в том, что будет голосовать за ГП, а часть действительно в ней разочаровалась, — говорит проф. Марковский. Он считает, что отток произошел в течение последних месяцев и что этому способствуют неясности в деле с Открытыми пенсионными фондами, конфликт Бальцеровича с правительством, а также ощущение, что Туск позволил российской стороне сманеврировать в вопросе с отчетом МАК. — Электорат живет за счет взрыва подобных эмоций, — говорит он. — «Гражданская платформа» перестала быть суху и превратилась в партию стабилизации и уставшего истеблишмента, в партию «сведенного к нулю риска. Нигде в мире молодежь не выступает в защиту власти и везде бунтует против власти, — добавляет профессор.

А чем они моложе, тем радикальней. Особенно важную инвестицию представляют собой те, кто голосует впервые. С ними дело обстоит так, как с курильщиками, которые как правило покупают те сигареты, которые закурили впервые. Избиратели тоже, как утверждает Ярослав Флис, любят голосовать так, как голосовали прежде. Достаточно инвестировать один раз, чтобы получить поддержку на много лет.

— Есть за что бороться, так как это инвестиция в будущее, — соглашается Павел Понцилиуш из партии «Польша важнее всего». Согласно данным опросов, проведенных партией, молодые избиратели в Польше куда более консервативны, чем на Западе. Достаточно их убедить, что надо идти на выборы, и они пойдут.

Проф. Фатыга добавляет:

— Есть, конечно, и группы убежденных сторонников той или иной партии, но они не слишком многочисленны.

Молодежь в капсуле

Результаты опроса «Молодежь 2008» говорят о том, что молодые люди вообще не вовлекаются практически ни в какую деятельность. Всего восемь человек из ста, принявших участие в опросе, принадлежат к религиозным объединениям, связанным главным образом с католической Церковью. Еще менее популярны организации гражданской службы, как, скажем, Добровольные пожарные дружины или Добровольные общества спасения на водах (3%). Каждый сотый из участников опроса указывает на свою деятельность в харцерстве. Ни один из 1400 респондентов не признался в принадлежности к какой-либо партии или к ее молодежному крылу.

77% опрошенных считают, что политические партии борются главным образом за места, а политики — независимо от того, что они заявляют, — озабочены лишь собственной карьерой (87%) и не собираются ничего делать ради общего блага (76%). Молодежь считает, что рядовые граждане не имеют влияния на правительство (74%) и что партии не выражают их интересов и их взглядов (66%). Это очень суровая оценка.

— Польская политическая сцена сегодня весьма убога, если речь идет о возможности выбора, — говорит Барбара Фатыга. — Для многих молодых людей выбор между ГП и ПиС дискомфортен, а их политическая активность может быть охарактеризована скорее как ситуационная и интервенционистская, чем как постоянная и болевщицкая.

Общее настроение внутри самой молодежи довольно плохое. Главный кошмар заключается в отсутствии работы. Каждому пятому безработному меньше 25 лет, каждый третий (менее 27 лет) — имеет высшее образование. Молодые люди глубоко убеждены, что для того, чтобы получить работу, нужно иметь знакомства. И именно их стремятся поймать в свои избирательные сети партийные спецы по маркетингу, пытаясь убедить, что ПиС или СДЛС сможет решить проблемы молодежи.

Относительно бытующих в молодежной среде взглядов можно сказать, что здесь царит полный хаос: есть там и либералы левацкого толка, правда, за последнее десятилетие явно возросла доля тех, кто считает, что «Церковь должна оказывать влияние на политику и государственные дела». Зато постоянно снижается среди самого молодого, с политической точки зрения, поколения доля тех, кто признаёт свои взгляды левыми (более явно), но вместе с тем наблюдается сокращение группы тех, кто придерживается правых взглядов (медленнее); больше становится тех, кто заявляет о себе как о центристах. Почти 80% девушек и почти 60% юношей вообще не в состоянии определить свои политические взгляды. Тем не менее намечаются тенденции: на протяжении многих лет среди самых молодых растет убеждение, что они бы предпочли платить более низкие налоги и самостоятельно решать вопросы расходов на здравоохранение и образование (то же касается пенсии). Число тех молодых людей, которые намереваются открыть свою собственную фирму, возросло по сравнению с тем, что было 5-10 лет назад. Заметен тренд к большей самостоятельности, они меньше рассчитывают на государство, у них более индивидуалистический подход к жизни.

Итак, в среде политических дебютантов все политические партии могут искать себе поддержку, акцентируя внимание на соответствующих пунктах своих программ.

Партии на охоте

Итак, вот уже более десяти недель идет жаркая борьба за молодежь. ПиС в декабре начал охоту с молодежного конвента «Польша — это ты». В Люблин приехал тогда сам Ярослав Качинский, чтобы сказать молодежи, что правительство Туска ее преследует, вынуждая эмигрировать.

Примерно то же самое слышали участники конференции «Молодежь — это инвестиция в будущее», которая состоялась 19 марта в Сандоже. На сей раз Качинский приехать не смог, он прислал письмо. И речь опять шла о вытеснении наиболее потенциально значимых в вынужденную эмиграцию, о продуцировании безработных выпускников вузов и об отсутствии программ, призванных исправить положение. Прозвучали также неконкретные обещания о накопительных фондах на студенческое жилье, о стипендиях и аннулируемых кредитах.

— Лидер партии ПиС позиционирует себя как политика непокорного, а для молодежи это может быть привлекательно и более достоверно, чем гладкие речи, которые она слышит от других выступающих по телевидению деятелей, — добавляет Марковский.

Один из организаторов конференции в Сандомеже Мариуш Лущек, представитель молодежного крыла «Права и справедливости», объясняет, что речь идет о том, чтобы дать понять молодым людям, какую ошибку они совершили, когда поддержали «Гражданскую платформу».

— Мы также хотим разоблачить эти сказки, которые рассказывает ГП, о более низких налогах, о выплатах на рождение ребенка, о работе для выпускников вузов и о бесплатной учебе в вузе, — говорит Лущек и добавляет, что сущим мучением для молодых людей становится рост издержек на собственное содержание. — Будучи школьником, я мог купить за 50 грошей напиток или чипсы, а сегодня на 50 грошей ничего не купишь.

Молодежь должна привлекать в лидере партии некая теплота его образа. Поэтому Качинский завел блог в Интернете и даже согласился сфотографироваться с современным гаджетом фирмы «Apple».

Иной тактики для привлечения молодежи на свою сторону придерживается Союз демократических левых сил. Он не пытается вызвать у молодежи отвращение к ГП, но делает ставку на революцию в мировоззрении, с серьезным антиклерикальным акцентом. Поэтому на встречах с политиками СДЛС можно услышать, что они будут бороться за изменение закона об абортах, за половое воспитание и этику в школах, а также за доступность противозачаточных средств и отмену наказания за хранение небольших количеств марихуаны. Паулина Пехна-Венцкевич, руководитель молодежного крыла СДЛС, говорит, что многим молодым людям надоело то, что творится в Польше, и они хотят свободы мировоззрения. Именно им адресует свои предложения партия.

— Хотя нас то и дело попрекают коммунистическим прошлым, для молодых людей, которые уже далеки от мифов о подпольной борьбе «Солидарности», мы сейчас представляем только часть европейской социал-демократии, — говорит Пехна-Венцкевич.

Мартин Дистерхофт из Объединения «Молодые демократы» утверждает, что молодежь сегодня покупает готовый рекламный продукт в виде политика и не размышляет над тем, насколько этот продукт реален, а насколько выдуман.

— Мои товарищи не различают людей в избирательных списках, поэтому политик, который борется за их голоса, должен быть узнаваем и быть cool, — говорит он.

Более или менее известно, что значит для студентов cool, — это Дональд Туск, Рышард Калиш, Бартош Арлукович, Павел Понцилиуш и даже Адам Хофман. Кто из них соберет наибольшее количество голосов молодых? Дистерхофт считает, что если через полгода молодые люди соберутся пойти на выборы, то они поддержат того, кто наиболее cool, кто не допустит осечки.

Самые молодые избиратели выходят на политический рынок, который находится в состоянии, с их точки зрения, явного падения ставок. Старшие будут выбирать, продолжая свои традиции: живы еще прежние симпатии или антипатии, кого-то необходимо окончательно потопить, кому-то отомстить, демонстрируя свою последовательность во имя спасения Польши. У молодых еще нет той внутренней политической истории, которая могла бы их зажечь или подогреть их желание пойти на выборы. Им бы хотелось сделать свой первый выбор по убеждению, не следуя той логике, когда выбирается наименьшее зло. На выбор же у них — либо не вызывающая никаких эмоций партия власти, либо оппозиция, сплотившаяся вокруг смоленской трагедии и предрекающая упадок государства, либо левые, которые выглядят как будущий истеблишмент, и классовые людовцы из крестьянской партии. Предлагаемое меню не вызывает у них интереса. Так называемое наиболее молодое население больших городов, которое отличается преимущественно явно либеральными взглядами, на сей раз может вовсе не пойти к урнам. А если они не пойдут в первый раз, то такая неявка на выборы может войти у них в привычку. У политиков остается еще несколько месяцев, чтобы изменить сложившуюся ситуацию.

3: МОЛОДАЯ КОЖА

— «Здорово, что ты есть», «Ода к радости», теперь «Чат самоубийц». В своих фильмах вы почти постоянно обращаетесь к историям молодых людей. Вас взрослые герои не интересуют?

— Я пытаюсь обмануть время. Снимая фильмы о подростках, которые уже стоят на пороге окончания школы, я словно вновь возвращаюсь к этому прекрасному ощущению зависания, когда ты находишься между детством и взрослостью. Тогда я вижу действительность так отчетливо, словно ее вырезали бритвой. Все кажется самым крупным, самым важным и до боли настоящим.

— Позднее уже не получается столь интенсивно переживать происходящее?

— Человек с возрастом смягчается, учится маневрировать, принаравливаясь к ожиданиям других, скрывать собственные взгляды, быстро менять свои маски. Восемнадцатилетние почти не идут на компромиссы. Они врываются в окружающий мир очертя голову и оказываются перед ним беззащитными, а в них таится нечто свежее, что бывает дано нам лишь один раз в жизни. Я думаю, что именно это завораживало Гомбровича, когда он с восторгом описывал мальчиков. Он их обожал, даже если они были глуповаты, неопытны, примитивны. Ибо он знал, что, если даже он прочтет тысячи книг, юности своей он уже не вернет. А ведь они так чудесно не умели ее ценить.

— **Но ведь всё, о чем вы говорите с таким восторгом, имеет и иную свою сторону. Ее вы показали в «Чате самоубийц», создав портрет парня, который пережив чувство разочарования при столкновении с реальностью, перенес свою жизнь в киберпространство. Правда ли, что вас вдохновила статья в журнале «Высоке общасы» («Высокие каблуки») о самоубийстве 21-летней девушки?**

— Я прочитал статью, когда у меня уже был готов первый вариант сценария. Репортаж этот меня заставил похолодеть. Всем актерам я купил журнал с этим репортажем, попросив, чтобы они тоже его прочли, а сам решил разыскать мать самоубийцы. Я написал ее фамилию в Гугле, и тут же выскочило название моего фильма. Оказалось, что мы могли встречаться прежде — Анна занималась музыкальным оформлением фильма «Ода к радости». Я позвонил ей.

— **И она согласилась рассказать вам историю самоубийства дочери?**

— Да, очень трагическую историю.

Магда жила в удобном доме за городом. У нее были две прекрасных, интеллигентных сестры, отец — оператор Телевизионного информгентства, мать, которая воспитывала детей и вернулась к работе лишь тогда, когда они стали почти взрослыми. Получив аттестат зрелости, Магда отправилась на поиски своего пути. Начинала она с учебы в Главной торговой школе, затем бросила ее ради социологии в Варшавском университете. Занялась общественной деятельностью на благо бездомных детей на Украине. А в возрасте 21 года она покончила жизнь самоубийством. Я не выдержал и спросил ее мать: «Почему?» Она ответила: «Не знаю».

— **В фильме парню пытаются помочь его родители. Но у них не очень-то получается.**

— В первом варианте сценария они были выведены полными придурками, которые не состояниии заметить буквально вопиющих сигналов, дающих понять, что с их Домиником что-то не так. Но Анна прочитала текст и сказала: «Они — чудовища. Но разве я напоминаю тебе чудовище? Я жила рядом с Магдой всё время — я видела, как на ее руках начали появляться шрамы от порезов, которые она скрывала, притворяясь, что поранилась. Я не сумела ей помочь». Это правда, она сражалась за дочь как львица. Я понял, что иногда несчастья случаются не от глупости, а от бессилия.

— **У вашего героя есть всё, о чем только может мечтать подросток, но ощущение такое, что он постоянно как будто ужасно потерян.**

— Действительно, этого парня буквально распирает желание бунтовать, только вопрос: против чего ему бунтовать? Шофер возит его из прекрасной школы в полный комфорта дом, он проводит время с кем хочет и как хочет. Парадокс, но он жаждет страдания, чтобы установить контакт с действительностью. Я думаю, что это характерно для всего его поколения.

— **Вы говорите о его поколении, но ведь Доминик младше вас всего на каких-то 10-11 лет.**

— И этого вполне достаточно. Он родился в свободной Польше, где в магазинах его окружают заполненные до краев полки. Я же рос в то время, когда в доме наступал праздник, если приходила посылка из ФРГ. Я бросался на сладости, а потом старался их не съесть, чтобы они не сразу кончались. Я ходил в валютный магазин «Певекс» и со слезами умолял родителей купить мне леденец чупа-чупс. Я утешал себя мыслью, что наступит время, когда и в моей жизни будут сладости. Теперь оно наступило. Я часто ловлю себя на том, что покупаю в два раза больше, чем необходимо, ибо мне доставляет радость, что всё сегодня доступно. Шоколадку я теперь всегда проглатываю без остатка. А моя десятилетняя дочь стоит в магазине перед витриной, полной сладостей, и ей ничего не хочется. Она может иметь всё, поэтому это «всё» ее не впечатляет.

— **По-вашему, сегодняшних молодых людей парализуют пресыщение и скука?**

— Чудовищным случаем стала бойня в колледже «Колумбайн». Когда у одной из девочек в классе того парня, который притащил в школу оружие, спросили, почему он это сделал, она ответила: «Наверно, просто ему не хватало впечатлений». К Польше эта скука еще только подбирается. Я уже видел ее в гимназиях и лицеях. Обычно, когда я говорю, что учился в киношколе, то люди пристают с расспросами о том, что мне интересно, что я думаю о кино или об известных кинематографистах, которых я встречал. Поэтому во время документальных съемок я стараюсь не очень-то афишироваться. Но когда мы с моим оператором оказались как-то в одной пользующейся престижем варшавской школе на балу, который проводится за сто дней до окончания школы, то здесь вообще не возникло никаких проблем. Люди пожимали плечами и отправлялись за очередной кружкой пива. Мы тогда поняли, что этих ребят мало чем можно пронять. Их уже волна скуки накрыла с головой.

— **А сам этот бал чем-нибудь напоминал ваш собственный?**

— Вы шутите? Он проходил в арендованном клубе «go-go». Шесты для танца в течение минуты заняли школьницы. Те самые девушки, которые только что в безупречных платьях шли стройными рядами по паркету под звуки полонеза, вдруг за закрытыми дверями как будто съехали с катушек. Как английская молодежь — взять хотя бы принца Гарри: во время официальных церемоний он выглядит словно жемчужина в британской короне, а буквально через пару часов друзья-приятели выносят его в бессознательном состоянии, в нацистской форме и вскидывающим руку в пьяном виде.

— **Молодежь, как когда-то поколение «яппи», работает всю неделю на полную катушку, чтобы потом, в выходные, на полную же катушку развлекаться?**

— Что-то в этом роде. Они прагматичны, хорошо понимают, что такое капитализм, общество воспринимают как хорошо функционирующую фирму. Выполняют свою работу и ожидают, что и другие будут выполнять свою, как шестеренки в механизме. Я, например, не могу сделать замечание официанту, что он принес мне остывший кофе, а моя младшая сестра заявляет: «Не для того я всю неделю вкалываю, чтобы в пятницу мне кто-то подавал плохо приготовленный коктейль». И здесь нет лишних сантиментов. С ними покончено.

— **Что сегодня важно для восемнадцатилетних?**

— Главное для них — внешний вид. Именно это определяет иерархию и позицию в группе. Это можно заметить даже возле клубов — подростки внимательно следят, кто есть в списке и кто кого знает. Как-то стою я рядом с «Каменоломней» (модный у богатой молодежи клуб), а вокруг скапливается множество красивых подростков со старательно зачесанными челками, все они в очках с нулевыми диоптриями и в пятнистых под леопарда брюках. Стоят, курят, звонят знакомым, находящимся внутри клуба, чтобы их впустили. Одна девушка знает охранника, пропускающего на входе, поэтому другая просит ее помочь пройти через турникет. Однако слышит в ответ: «А не пошла бы ты отсюда?»

Я не представляю себе подобного среди моих ровесников. Но самое смешное, что все эти мероприятия, из-за которых весь сыр-бор, весьма примитивны. Очередь за пивом, кто-то топает ногой в ритме музыки «g'n'b», другой старается изобразить хип-хоп. Можно с помощью мобильного заснять их и сбросить фотку через него же на Фейсбук и ожидать комментария: «Вау, жаль, что меня там нет». Интернет стал прекрасным инструментом для саморекламы.

— **В своем фильме «Чат самоубийц» вы показываете, как интернет функционирует среди его аборигенов. Однако ваш фильм вполне может быть воспринят как консервативное наступление на техническое средство информации, которое совершенно изменило мир.**

— Но ведь и я живу в этом мире — я присутствую на Фейсбуке, ежедневно пользуюсь электронной почтой. Интернет не генерирует зло. Виноваты всегда люди. Мы принимаем решение, мы выкладываем линейки и сообщения. Сеть лишь усиливает наше послание, делает его более слышимым. А то, что она иногда здорово затягивает? Я этого не придумывал специально для фильма. Недавно в Ирландии двое людей встретились в «Second Life» и поженились. Когда девушка забеременела, у ее аватара вырос живот, а потом состоялись роды в виртуальной больнице. Но только настоящего своего сына они уморили голодом, постоянно его недокармливая. Похоронная церемония тоже появилась в «Second Life». А ведь эта игра вовсе не так банальна, как обычный чат, в котором сморкачи пишут семнадцатилетним девчонкам: «Эй, челы, есть кто-нибудь из Красника?». Здесь нужен высокий интеллектуальный потенциал, способности к абстрактному мышлению. Если нечто подобное случается, то тогда можно сказать, что что-то изменилось в людях и в мире. Та реальность, в которой выросло поколение родившихся в 90-е, требует своего описания.

— **Вы считаете, что в Польше снимается мало фильмов о молодежи?**

— Их довольно много. Достаточно посмотреть на актеров, карьера которых идет в гору: Матеуш Костюкевич, Антоний Павлицкий, Рафал Фудалей. Но мне кажется, что мы напрасно застряли в колее повествований, в которых всё подчинено экономике. Мне не хватает на экране внимания к культурам, которые формируются самими людьми.

— **Вы входили с камерой в замкнутые миры молодежных субкультур. Например, документировали движение хип-хопа.**

— Этот мир подкупает меня своей простотой. В нем есть мужчина и женщина — она должна танцевать, а он — на нее смотреть. И всё идет как надо — жесткое распределение ролей, никто не жалуется, а в случае чего вопросы чести выясняются с помощью мордобоя возле дома. Более того, кодекс хип-хопа как нельзя лучше отвечает заповедям капитализма. Велит смело требовать и брать свое, и быть жестким.

— **Вы говорите, как парень из хорошей семьи, который истосковался по благородному варвару.**

— Неправда. Поначалу хип-хоп в Польше как бы присвоили себе подростки из зажиточных семей, в начале 90 х привозивших кассеты с Маком Хаммером. В моем лице им. Сервантеса местной звездой стал сын режиссера — Кордиан Пивоварский. У него была такая прибаутка: «Капюшон на голове — и гораздо легче мне, и всё о'кей, меньше вижу мира, эй». Я этот стиль подсмотрел и перенял. Тогда еще не было речи о скамейках и блочных домах.

— **Вы не почувствовали себя чужим, когда эта культура постепенно перекочевала в микрорайоны крупнопанельных домов?**

— Нет, ведь это тоже мой мир. Я родом из художественной семьи, но вырос в варшавском районе Прага, когда он еще не стал модным среди интеллигенции с западного берега Вислы. Мне очень симпатичны Шмульки, улица Кавенчинская, Восточный вокзал. Несмотря на то что на пути моего возвращения из школы меня почти ежедневно грабили. Бывало и так, что за один день одна и та же компания нападала на меня дважды. Первый раз, обчистив меня у трамвайного депо, они удирали в сторону вокзала. Я садился в трамвай, а когда выходил из него, то мы вновь сталкивались. Бывало и так, что они меня слегка колотили. Со временем я научился, чт? надо говорить в таких случаях — что «я здешний и знаю Зобека и Щрубeka». Обычно это помогало.

— **Стоит ли об этом рассказывать в фильме? Может быть, достаточно рассказать в милиции?**

— Я всегда любил соединять высокую культуру с культурой низов — спектакль «Ромео и Джульетта», поставленный в микрорайоне, или акция Павла Альтамера в районе Брудно. Мне понравилась фотография двери на лестничной площадке, где была нарисована голая баба, которую художник назвал «Венера из Брудно». Я, получивший художественное воспитание, много раз оказывался среди людей, по-иному воспринимавших реальность. Но именно они обладали множеством прекрасных черт, именно в них скрывалась правда и дворовое благородство. Культура не может пройти мимо этого.

Возможно, именно поэтому я так хорошо чувствовал себя в Лодзинской киношколе. Дорота Кендзежавская или Казимеж Карабаш заражали нас бациллой социального кинематографа. А я хотел запечатлеть камерой обиженных, бедных, тех, кому приходится трудно.

— **Но сейчас вы готовите исторический проект о Варшавском восстании. И, возвращаясь в прошлые времена, вы все-таки ведете свой рассказ о молодежи.**

— Мы живем в постоянном страхе, я хочу, чтобы он был виден на экране. Поэтому меня интересует Апокалипсис — время катаклизма, неожиданного нашествия зла. Причем с точки зрения того парня, для которого только начинается зрелость. «Город» становится для меня фильмом, где речь идет о своей принадлежности, о поиске своего места в сложное время и в обстоятельствах чрезвычайных. Куба Гершал, актер, игравший в фильме «Чат самоубийц», рассказывал мне, как однажды он отправился с дедом на встречу ветеранов. Многие друзья его деда погибли во время трагического перехода через Кампиносскую пушу. Вдруг из-под очков у него потекли слезы. Он сказал им, что слишком долго смотрел на солнце. Эти люди уважительно относятся к тому, что человек плачет, но считают это крайностью. В повседневности они продолжают оставаться внутренне стойкими. И своих неудач напоказ не выставляют.

Сегодня о войне рассказывают как о сенсации и выпячивают какие-то чудовищные вещи. Но в те времена еще существовала этика. От бывших повстанцев вы не услышите, как они оправлялись в одной комнате рядом друг с другом или как кто-то из отряда предал. Это были люди, которые не раскалывались. Невероятно мужественные.

— **Вы не боитесь, что когда-нибудь перестанете понимать молодых людей?**

— Я ими очарован. Но они реагируют на действительность с точностью до секунды. Собирая документальные материалы к фильму «Чат самоубийц», я через месяц возвращался в какой-то лицей и уже не понимал, о чем подростки говорят, ибо прозевал новую запись на «ютюбе». А с другой стороны, кто может лучше описать мир подростков, чем 58-летний Гас Ван Сент?

— **У вас уже двое детей. Вы не перешли на другую сторону?**

— Естественно, перешел. Мне было 20 лет, когда родился мой первый ребенок. А буквально за несколько лет до этого я попал к окулисту, так как покрасил себе маркером глазные линзы, потому что хотел, чтобы у меня были глаза, как у парня из «Prodigy». Ну и что? Буквально мгновение пролетело, и мне тридцать, уже треть жизни я прожил отцом, и я всячески упражняюсь, чтобы моя дочь не увидела меня с бутылкой пива. Я стал ответственным и вполне зрелым. И только иногда во время съемки я ловлю себя на том, что прошу оператора чуть дольше задержать камеру на теле актера-подростка. Ибо я знаю, что такой молодой кожи у меня самого уже не будет никогда.

Беседовал Кишиштоф Квятковский

4: РЕШЕНИЕ СЛОЖНОЙ ЗАДАЧИ

Книга носит знаменательное заглавие: «Белые пятна — черные пятна». Таким образом, она касается мало либо вообще не изученных вопросов и одновременно говорит о событиях, зачастую связанных с насилием, произволом и беззаконием. В целом можно сказать, что редакторы и авторы этого труда поставили перед собой нелегкую задачу — показать отношения Польши с СССР и Россией в 1918-2008 гг. во всей их протяженности и сложности

Научные редакторы обсуждаемой книги, профессора Адам Ротфельд и Анатолий Торкунов, сопредседатели польско-российской группы по трудным вопросам, подчеркивают, что возник труд, главная задача которого — отыскивать истину и приводить ее свидетельства. Одновременно там формулируются оценки, которые даются нелегко, так как они отклоняются от сложившихся представлений и стереотипов.

Редакторы в качестве самого удобного и самого эффективного способа представить запутанные и многослойные сюжеты истории выбрали параллельную публикацию текстов польских и российских авторов в рамках отдельных глав, расположенных в соответствии с хронологией и возникающими проблемами. Авторы пишут то, что им подсказывает состояние их знаний и что они считают правильным. Часто польский и российский тексты в принципе согласуются между собой, иногда наблюдаются различия, а временами — явные разногласия. В результате всего этого можно установить, какова позиция польской стороны, а какова — российской. Никто никому не навязывает своих взглядов и способов их изложения. И это тоже большое достоинство книги — свобода высказывания. Приговор о правоте той или иной стороны будут выносить сами читатели, убежденные силой приведенных фактов и аргументов.

Переходя к изложению существа отдельных сюжетных линий этой книги, я начну с самого раннего периода — с войны 1920 г. (глава I). Наибольшие разногласия возбуждал здесь вопрос о советских военнопленных. В России раздавались обвинения, что многие из них были убиты польскими властями. В некоторых российских публикациях указывается даже такое огромное количество, как сто тысяч якобы уничтоженных пленных.

Авторы польского текста Дарья и Томаш Наленч, опираясь на конкретные данные, пишут, что вследствие свирепствовавших заразных болезней умерло около 17 тысяч советских военнопленных. Так произошло, невзирая на попытки противодействия врачей и лагерной администрации.

Российский автор Геннадий Матвеев приводит более высокое число умерших пленных — около 25-28 тысяч. В качестве главной причины смертей он также указывает эпидемию. И не повторяет утверждений об «убийстве пленных». Тем самым его позиция, хотя и стоящая особняком, не входит в противоречие с тем, что написали супруги Наленч.

В следующей главе Войцех Матерский ведет речь о польско-советских отношениях на рубеже 20-х и 30-х гг. XX века. Текст плотный, синтезирующий, автор пишет с большим знанием предмета. В центре его внимания — события, происходившие в треугольнике Польша—СССР—Германия.

Пишущий параллельно Александр Ревякин подчеркивает, что в СССР в тот период очень интересовались Польшей. И в этом он прав. Однако сам автор не слишком глубоко ознакомился с польскими реалиями, если мог написать о поездке Юзефа Пилсудского в Японию в 1932 году. Такая поездка действительно состоялась, но... в 1904 г., во время русско-японской войны. Неточности встречаются в его тексте еще несколько раз. К примеру, после встречи 15 ноября 1933 г. польского посла в Германии Юзефа Липского с Гитлером было оглашено коммюнике, которое автор характеризует как декларацию. В действительности подписание польско-германской декларации о неприменении насилия состоялось лишь 26 января 1934 года. Автор приводит многочисленные обвинения по адресу Польши, которые формулировались и высказывались советской стороной. Зато он не принимает во внимание мирных заверений поляков, оказавшихся, как показало последующее развитие событий, правдивыми и достоверными.

Следующую, III главу написали Славомир Дембский и Михаил Наринский. Тема важная, ибо тут представлен генезис Второй мировой войны. Дембский стремится доказать, что Польша была заграждением, буфером между Германией и СССР. Она заботилась о сохранении своей независимости и «равноудаленности» от главных соседей.

Наринский же настроен по отношению к польскому правительству весьма критически. Он множит адресованные ему упреки с обвинениями за совершённые и несовершённые прегрешения. Очень широко описывается им поведение Польши в отношении Чехословакии, хотя в польской историографии его уже многократно характеризовали критическим образом. Пишет об этом и Дембский.

Наринский собирает любые отрицательные сведения о польской политике, всё время подчеркивая сотрудничество Польши с Германией. Пишет он и о других негативных польских шагах, хотя не всегда в соответствии с истиной. Например, он подчеркивает, что польское правительство в своем ультиматуме Литве от 17 марта 1938 г. потребовало изъять из конституции Литвы ту статью, где говорится, что ее столица — Вильнюс. А на самом деле требование там было только одно — об установлении дипломатических отношений между Литвой и Польшей.

Однако Наринский — настолько честный исследователь, что, когда он находит источник, содержащий недвусмысленные утверждения, которые, возможно, и не отвечают его точке зрения, но убедительны, он принимает их в полном и точном виде. Это касается постановления, принятого у президента Польши в Королевском замке 8 января 1939 г. о решительном сопротивлении Третьему Рейху перед лицом его настоятельных требований.

Глава IV говорит о коротком, но очень важном периоде 1939-1941 гг. Свой текст Альбин Гловацкий метко назвал «Вторжение Красной Армии». Он точно и подробно представил в нем агрессию 17 сентября, а затем обрисовал ее последствия, особенно роковые для польского населения, жившего на занятой территории. Автор скрупулезно собрал и сопоставил факты. Однако же складывается впечатление, что сделал он это чересчур подробно.

Параллельная статья принадлежит известному российскому ученому Наталье Лебедевой.

Это текст, весьма зрелый содержательно и недвусмысленный в своем звучании. Автор говорит, что агрессия 17 сентября была регулярной войной, которая велась так, как поступают с вражеской страной. Она подчеркивает, что дело дошло до случаев настоящего взаимодействия Вермахта с Красной Армией в борьбе с польскими подразделениями. Много написано ею и о начинаниях советских властей на занятых территориях. Свою оценку она подытожила следующими словами: «Главными методами господства стали террор и массовые депортации».

Существенные положения сформулированы в главе V, которая посвящена катынскому преступлению. Анджей Пшевозник [трагически погибший в смоленской катастрофе] дает в ней описание преступления. Ценно здесь изложение того, что автор увидел сам, работая как устроитель кладбищ польских офицеров. Уникально его описание истории обнаружения и вскрытия могил, а затем — постепенного, идущего с большими трудностями получения доступа ко всё большему числу документов и, наконец, рассказ о самом процессе сооружения кладбищ.

Дополнительной к этому тексту оказывается вторая в сборнике статья Натальи Лебедевой, которой в немалой степени принадлежит заслуга открытия документов, касающихся катынского преступления. Но текст основан на собственных исследованиях, проводившихся много лет. Автор показывает, каким образом вызревало решение

совершить массовое убийство польских военнопленных, как шли приготовления к нему, а затем — как оно было выполнено. Берет за душу описание «бумажной дороги к смерти» — скрупулезного приготовления документации, ведущей к расстрелу.

Оба текста Лебедевой занимают в книге особое место. Они служат примером того, как далеко способны пойти российские авторы в поисках истины. Достойны быть процитированными слова автора, которая заканчивает свою статью следующей фразой: «Почувствовать боль других как свою собственную, чтобы не допустить повторения подобных трагедий в будущем, — единственный способ построить мост через катынскую пропасть».

Тексты главы VI относятся к годам Второй мировой войны. Из огромного количества фактов того времени Войцех Матерский сумел выловить самые важные и на их основании выстроить убедительный текст, который дает синтез существа дела. Убедительны в особенности те фрагменты, где автор описывает, каким способом СССР сумел навязать Польше формы своего верховенства.

Текст Валентины Парсадановой содержит много описаний различных событий и фактов, которые можно принять к сведению. Однако оценки автора вызывают протест. Вот несколько примеров. Автор выражает взгляд, что вывод созданной в СССР польской армии был величайшей ошибкой польского правительства в период Второй мировой войны. С этим трудно согласиться. Уже само спасение ста с лишним тысяч польских военных и гражданских лиц из советских тюрем и лагерей было большим достижением. Нельзя также принять утверждения автора, что помощь Красной Армии восставшей Варшаве не была возможна в сколько-нибудь широких масштабах. На самом деле она лежала в границах военных возможностей. Зато не хватило политической воли.

В следующей, VII главе речь идет о послевоенном десятилетии, о 1945- 1955 гг. Это период, пока еще мало изученный и охватывающий самые трудные для Польши годы сталинизма. Обсуждают и оценивают указанные годы два автора — Влодзимеж Бородзей и Альбина Носкова.

Бородзей пишет об утрате Польшей всякой самостоятельности, фактически о прямом исчезновении польской внешней политики. Автор подчеркивает участие советских войск в подавлении польского движения сопротивления. Из статьи можно узнать о формах и проявлениях зависимости от Москвы, даже о случаях личного вмешательства Сталина в польские дела.

Альбина Носкова пишет, что в 1945 г. наступила победа, так как польский народ был спасен от грозившего ему полного уничтожения. То, что Польша попала в зависимость от СССР, произошло с позволения западных союзников. «Финляндизация» Польши не имела никаких шансов: Польша была для СССР слишком важна. Но несмотря на нажим и усилия Москвы общественная модель Польши по-прежнему отличалась от советской. В целом статья достойна внимания, в ней встречаются нешаблонные утверждения, но вместе с тем бросается в глаза односторонность оценок. Автор описывает также механизм и итоги произведенных в Польше перемен с указанием движущей, созидательной роли СССР.

В отдельной VIII главе речь идет о переломном в истории ПНР периоде октября 1956 года. Анджей Пачковский с большим знанием дела представил события, которые привели к кризису власти и к конфронтации с СССР. Автор, однако, не соглашается с мнением, что тогда был создан «факт, имевший неотвратимые последствия». Высказывая собственное мнение, хочу отметить, что в польско-советских отношениях такой факт возник, потому что советская сторона была вынуждена уступить в нескольких важных вопросах. И это создало исторический прецедент.

Николай Бухарин связал события «польского октября» с советской «оттепелью». Сравнивая эти явления, он выражает мнение, что польские перемены шли глубже. В СССР, в отличие от Польши, массы не пришли в движение, не всколыхнулись. Среди завоеваний «польского октября» Бухарин указывает два важных вопроса: был подписан договор о временном размещении советских войск в Польше, а также о проведении репатриации 200 тыс. поляков из СССР в Польшу.

Глава IX повествует о польском пути к свободе. Ежи Помяновский в хорошо написанном эссе формулирует довольно много небанальных утверждений. Он пишет, что поляки «были спасены, но не освобождены», напоминая тем самым элементарную истину. Он выражает также взгляд, что невозможно признать историю ПНР «черной дырой» в истории Польши. Однако главная тема, которой занимается Помяновский, — проблемы культуры. Он отмечает при этом, что отношения Польши с Россией и поляков с русскими — две разные вещи. В годы ПНР были живы культурные контакты, а через Польшу многим советским гражданам открывалось если не окно, то хоть какая-то форточка на Запад. Кроме того, Помяновский формулирует ряд требований о

необходимости укрепления связей между польской и российской интеллигенцией, о потребности в институциональных решениях, которые позволили бы «устранить окаменелости», стоящие на дороге.

Российские авторы этой главы, Андрей Воробьев и Александр Шубин, говоря о путях к освобождению, констатируют, что при описании российско-польских отношений широко распространено невежество, бросается в глаза низкое качество и поверхностность публицистики. Авторы стараются напомнить о связях и взаимных влияниях, присущих прошедшим годам, а также указывают на пример «польской модели» для российской оппозиции.

В главе X обсуждается тема «Военное положение и советское руководство». В статье Анджея Пачковского можно найти много красноречивых, выразительных примеров, которые говорят, что СССР оказывал на Польшу очень сильный нажим. Его проявления начались уже с августа 80-го. За этим последовали, особенно на рубеже 1980-1981 гг., угрозы применить силу. Огромную роль, пишет автор, играли при этом руководители соседних стран: Хонеккер и Гусак. На протяжении почти всего 1981 г. продолжалось перетягивание каната, устраивались военные маневры, шло запугивание, выдвигались требования о ликвидации «Солидарности». У Кремля отсутствовала идея, как это осуществить. Выход был увиден в объявлении генералом Ярузельским военного положения.

Инееса Яжборовская подготовила на эту тему очень выразительный и яркий текст, основанный на широких разысканиях в источниках. Она пишет, что в Кремле придавалось большое значение тому, какой вес Польша имеет для СССР. Всеобщим призывом стал лозунг, что «нельзя потерять Польшу». Брежнев не исключал применения силового варианта, однако медлил с окончательным решением. Зато в Кремле тщательно наблюдали и регулярно обсуждали всё, что происходит в Польше. Однако в конечном итоге более удобным способом действий было сочтено введение военного положения самими поляками. Автор подчеркивает, что Ярузельскому Польша обязана отказом от намерения использовать войска Варшавского пакта для силового решения конфликта.

В главе XI говорится о том, каким образом Польша вновь обрела свободу. Влодзимеж Марциняк обрисовал ход трансформации в Польше и России, в том числе — наблюдавшиеся сходства и различия. Любопытны его замечания о перехвате реальной власти Горбачевым, а также о том, что в России не возникли настоящие партии, зато сложилась моноцентрическая система политической власти. В то же время Польша, по мнению автора, в результате общественных и политических реформ оказалась в ситуации, где «границы национального государства размываются процессами глобализации».

Российские авторы Владимир Барановский и Борис Шмелев придерживаются той точки зрения, что горбачевская перестройка привела к выстраиванию новых взаимоотношений с социалистическими странами. Но из руководителей этих государств только Ярузельский и Кадар поддерживали перемены Горбачева. Широко распространилось убеждение, что реальный социализм исчерпал свои возможности. В этот момент появился шанс придать советско-польским отношениям позитивный импульс. Горбачев и Ярузельский предприняли усилия, чтобы воспользоваться этим. Ситуация, однако, претерпевала быстрые изменения, а Польша играла в них роль детонатора.

Авторы XII главы задались вопросом, что главенствовало в экономических и хозяйственных отношениях Польши и СССР, — помощь или эксплуатация. Януш Калинский подчеркивает, что эксплуатация Польши, особенно в начальный период, преобладала над помощью ей. Огромными были военные поставки для Красной Армии. До 2 млрд. долларов составили потери, возникшие вследствие вывоза промышленного имущества из Польши, а поставки польского угля в СССР по сильно заниженным ценам принесли убытки в размере 630 млн. долларов. Такие нагрузки обрушились на страну, разоренную войной и оккупацией. Да и в последующие годы экономические отношения между ПНР и СССР были невыгодными для польской стороны, несмотря на достижение определенного равновесия после 1956 года.

Леонид Вардомский также считает, что результаты экономического сотрудничества Польши и СССР неоднозначны. Но вместе с тем он подчеркивает, что неспособен вообразить Гомулку и Герека в качестве безвольных марионеток Москвы. Они, по мнению Вардомского, действовали прежде всего в польских интересах — так, «как они сами их понимали в то время». Далее автор констатирует, что в Польше в 80-е — 90-е годы происходили более быстрые и решительные экономические преобразования, чем в СССР, который рухнул по причине неэффективного хозяйствования и консерватизма.

В главе XIII рассмотрены отношения новой России и уже суверенной Польши. О них пишет Катажина Пелчинская-Наленч, которая представляет взаимоотношения между двумя странами после 1989 г. главным образом с фактографической стороны. Делает она это ясно и упорядоченно, перечисляя наиболее важные вопросы, обсуждая возникающие конфликты и столкновения. Изложение, проработка материала подробны и

точные — в меру возможностей доступа к источникам. А он ограничен, так как обсуждаемые проблемы находятся *in statu nascendi*. Автор заканчивает выводом, что проявляющиеся конфликты — не результат генетической русофобии поляков или национальных предубеждений в России. Споры вытекают из геостратегических соображений. Самое важное в том, что процессы эмансипации Польши и ее интеграции с европейским сообществом уже можно считать завершенными.

Артем Мальгин не скрывает трудностей и противоречий, существующих в нынешних отношениях России и Польши. Он считает, что «историческая политика» оживила в Польше все негативные стереотипы по поводу России. А в глазах многих россиян Польша теперь — *terra incognita*. Автор считает, что такое положение надо изменить. Российской стороне в отношениях с Польшей нужно учитывать европейский контекст и замечать ту роль, которую Польша играет в Евросоюзе. Благодаря хорошим контактам с Польшей и Россия тоже сможет решить многие задачи, стоящие перед ее европейской политикой.

В главе XIV нашли себе место рассуждения на тему непрерывности происходящих изменений. Анджей Граевский обращает внимание, что в России, в отличие от Польши, не проделаны расчеты с прошлым. Поэтому здесь сотрудничество возможно лишь в узкой сфере.

А Николай Бухарин в той же главе занялся проблемой взаимного восприятия россиян и поляков. Он выражает мнение, что процесс формирования нового сознания в России еще не доведен до конца. Существующая неопределенность негативно воздействует на отношение к Польше. Проводимая здесь историческая политика используется для достижения текущих политических целей. Автор высказывает мнение, что не следует преобразовывать особые черты и свойства национальной памяти в повод к вражде, тем более что в действительном ходе и развитии отношений с Польшей российские граждане ориентируются слабо, большинство из них не в состоянии охарактеризовать основные события. В условиях незнания ширятся предубеждения. Автор считает, что трудно рассчитывать на радикальное улучшение ситуации. Каждая из сторон имеет, однако, право на собственное мнение о прошлом. Это не должно служить препятствием в развитии добрососедских отношений между Россией и Польшей.

О том, каким образом польско-российские отношения влияют на возможности пользования архивным наследием, говорится в главе XV. Владислав Стемпняк помещает в своей статье много ценных сведений об архивных собраниях, связанных с польско-российскими отношениями. Это важно, особенно в условиях перемещения собраний. Он также пишет о польских материалах в российских архивах.

Схожими вопросами занимается и Владимир Козлов. Он напоминает, что поляки в последние годы уже скопировали в российских архивах большое количество документов. Далее он требует окончательно «разморозить» архивные контакты между Россией и Польшей и выражает надежду, что это произойдет.

В конце книги, *last but not least*, располагается важная глава XVI, содержащая обзор литературы. Первое впечатление, которое можно вынести после ее прочтения, — это огромное количество представленных там книг, статей и изданий документов. Марек Комат, рассматривающий тему с польской стороны, не только устанавливает и перечисляет названия, но и проводит их классификацию, а также дает им содержательные оценки. Он констатирует, что многие позиции не отвечают научным критериям, так как в свое время были подчинены «политическим интересам ПНР». По его мнению, слабость другого рода, причем касающейся и изданий, вышедших уже после 1989 г., — малое использование российских источников. Нужно подчеркнуть очень тщательную проработку темы, а также целостный подход к проблемам, обсуждаемым автором.

С равной тщательностью и вдумчивостью подошла к теме Инесса Яжборовская. Она выполнила не только описание историографии, но и подробно представила историю усилий российских и польских историков, имевших целью показать и распутать многие трудные вопросы. При этом она подчеркнула, что, если говорить о российской стороне, то большим препятствием продолжает оставаться груз старых понятий и стереотипов. Их преодоление совершается медленно, шаг за шагом, однако многие представления, восходящие к минувшей эпохе, по-прежнему функционируют. И здесь автор осуществляет очень любопытную экзemplификацию подобного состояния дел, показывая, какие утверждения и оценки высказывают отдельные российские авторы вплоть до сегодняшнего дня. Яжборовская пишет с большой твердостью, можно даже сказать, решимостью: «Результатом распространения такого подхода является разжигание ранее существовавших фобий, возрождение отвратительных стереотипов пропаганды родом из довоенных десятилетий и — естественно — очередная конфронтация с соседом». Эти слова не требуют комментария.

*

Таков этот труд о белых и черных пятнах, который в силу понятных обстоятельств показан здесь отрывочно и крайне сжато. Но представляется, что даже на основании того, о чем рассказано выше, можно выработать для себя мнение о ценности и большом значении рецензируемой книги. Значении не только познавательном и строго научном, но и политическом. В ней представлены важные и по-прежнему актуальные проблемы, а также показаны пути их преодоления. Книга представляет собой свидетельство, которое не пройдет без отзыва.

Научным редакторам обсуждаемой книги — Адаму Ротфельду и Анатолию Торкунову — нужно пожелать осуществления их дальнейших замыслов, а также новых достижений на трудном пути, ведущем к взаимопониманию наших народов, к преодолению накопившихся за долгие годы травм и предрассудков. Поиски и раскрытие правды будут залогом успеха.

Белые пятна — черные пятна: Сложные проблемы в российско-польских отношениях. Под общ. ред. А.В.Торкунова, А.Д.Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2010. — Параллельное издание на польском языке выпущено в Варшаве.